ВАКХЪ СИДОРОВЪ ЧАЙКИНЪ,

ИЛИ

РАЗСКАЗЪ ЕГО О СОБСТВЕННОМЪ СВОЕМЪ ЖИТЬЪ-БЫТЬЪ, ЗА ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ ЖИЗНИ СВОЕЙ.

=

Не думаю, чтобы жизнь моя и большая часть того, что относится къ личности моей, большаго заслуживали вниманія. увъренъ, что уроки, которыми надъляла меня судьба постоянно втеченіи тридцати лътъ, считая съ самаго дня рожденія моего, могутъ быть поучительны, не для меня, а для всъхъ, если бы только они врѣзаться другому въ голову и въ сердце какъ мнф; увфренъ также, что спознаться людьми, которыхъ случилось разсмотръть очень близко, никому мѣшаетъ, а многимъ будетъ и очень кстати. Первыя тридцать лътъ жизни моей были рѣзки въ очеркахъ и пестры красками: хотя и самъ я человѣкъ темный, какъ вы сейчасъ это увидите; но не ищите въ запискахъ живаго человъка повъсти или романа, то

есть, сочиненія, это родъ живыхъ картинъ, изъ коихъ не многія только, по пословицѣ «гора съ горой» имѣютъ связь между собою и съ послѣдующими.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Отъ сотворенія моего и до барской передней.

Я – сынъ прописнаго по ревизскимъ народной сказкамъ, ПО переписи, комлевскаго мъщанина, и остался безъ званія и мѣста, когда отецъ мой скончался, покинувъ меня голосистымъ крикуномъ, но еще безсловеснымъ. Мать моя поъхала съ какими-то попутчиками отъискивать отца, который, отправившись по торговлъ или своему, промыслу онъ барышникомъ, какъ у насъ говорятъ, то есть, торговаль лошадьми, - отправившись ярмарку, пропадалъ на лебедянскую безъ-въсти. времени сколько Поѣхала, и меня повезла съ собою; на пути захворала сердечная; попутчики покинули ее въ чужомъ мъстъ: она умерла, и

остался круглымъ сиротой не научившись еще и самой необходимой на свътъ вещи, — ъсть хлъбъ. Село было господское. Мужикъ, у котораго въ избъ скончалась мать моя, а я остался на рукахъ, пошелъ съ жалобой на бъду эту къ барину; тотъ велълъ взять меня во дворъ, кормить, поить и растить. Вотъ все, что я впослъдствіи слышалъ отъ людей господскихъ о томъ, кто я таковъ и откуда.

Когда я сталъ знать и помнить себя, то было мнъ, видно, года четыре; названная мать моя, скотница въ барскомъ домѣ, кулакомъ колотила меня спину, ВЪ приговаривая: «молись, молись, молись, не ложись спать какъ собака». Эти слова остались въ памяти моей. Потомъ, года разительную черезъ два, помню перемъну, – барскіе покои. Я попалъ туда замѣчательному со скотнаго двора ПО случаю. Одинъ изъ барченковъ сшалилъ что-то, и баринъ велѣлъ привести со двора какого-нибудь мальчишку и высъчь барскихъ покояхъ, при виноватомъ, ВЪ острастку. На это, какъ безроднаго сироту,

избрали меня. Помню, какъ большой, плотный дворецкій пришель, схватиль меня за руку и потащиль по двору, по лъстницъ. Въ покояхъ поразилъ меня крикъ, шумъ, баринъ сердился, бранилъ ЭТО барченка, барыня заступалась за него, а тотъ ревълъ. Я глядълъ на все это довольно спокойно, ничего понимая, не наконецъ меня вдругъ, ни съ того ни съ сего, схватили, растянули и высъкли. И я и три барченка, мы всѣ выли въ-голосъ; баринъ кричалъ и все грозилъ одному изъ нихъ и приговаривалъ; а барыня объ эту пору уже успокоилась немного и отошла. Когда все кончилось, баринъ спросилъ, чей головорѣзъ, и, услышавъ, скотницынъ пріемышъ, которая вбъжала въ переднюю и также ревъла во всю душу и кинулась барину въ ноги, то онъ, сказавъ: – «А ты чего тутъ ревешь? тебъ какое дъло? что онъ, сынъ, что ли, заступаться?... Ты пришла твой? чего дура!» приказалъ оставить меня покояхъ, «пусть-де привыкаетъ; наука эта не мъшаетъ ему, пригодится: онъ будетъ

бояться теперь, станетъ слушаться»; пригрозилъ мнѣ; и притопнувъ потомъ ногой, выслаль въ переднюю. Названная мать вынесла меня на рукахъ, обмыла, опять одѣла, успокоила, понесла И барскіе покои. Я снова ревъть свътъ стоитъ, и тутъ уже поколотила меня и сама Катерина; заглушивъ кулаками страхъ мой, передала меня холопамъ въ переднюю.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отъ барской передней до француза съ отмороженными ногами.

Первое время думалъ Я, меня ЧТО прикомандировали въ переднюю для одной только нужды, – чтобы щелкать колодою по-носу. — R сидѣлъ картъ безвыходно; холопы играли въ три листа, или подкаретную, и при этомъ били меня за носкамъ. Это всъхъ продолжалось ПО однако не долго: вслъдъ затъмъ помню я себя уже вдругъ за однимъ учебнымъ

столомъ съ баричами и почти за-панибрата съ ними.

Это покажется иному странно. Надобно Ивана Яковлевича же однако Шелоумова, благодътеля, моего отца И сколько-нибудь понять перемѣну. Иванъ Яковлевичъ Шелоумовъ быль человъкъ до такой степени странный, называли его помъшаннымъ. Особенностей въ немъ была такая бездна, что никто въ мірѣ не могъ бы, въ какомъ бы то ни было случаъ жизни, угадать что сдълаетъ теперь Иванъ Яковлевичъ, какое выведеть заключеніе, на какой родъ Нравъ лѣйствій рѣшится. былъ его необъяснимъ. Казалось, онъ по днямъ, по часамъ, по недълямъ, принималъ на себя временно и по-очередно всѣ возможные нравы и былъ сегодня не тотъ человъкъ, что вчера, иногда вовсе не тотъ, что часъ назадъ; — TOMY утромъ скупъ ДО невозможности, къ объду благоразумный мотъ, – хозяинъ, вечеру КЪ понедъльникъ сердитъ и брюзгливъ, вторникъ насмъшникъ, въ середу отчаянно

четвергъ веселъ, ВЪ ученъ, глубокомысленъ, въ пятницу богомоленъ, страстный субботу игрокъ, воскресенье затьямь ньть конца весь выворотитъ вверхъ дномъ И какъ-будто Онъ изнанку. всегда какую-нибудь разъигрывалъ роль, казалось, безъ намъренія; не зналъ и не замъчалъ этого, а слъдовалъ житейскимъ своимъ, правиламъ на ЭТОТЪ составленнымъ, и готовъ былъ въ каждую минуту отдать отчетъ въ нынешнихъ делахъ своихъ, замѣтьте, HO, только нынъшнихъ, – излагая передъ вами цълую вереницу опытной премудрости своей. Онъ, казалось, дъйствоваль всегда по душевному убъжденію и не ханжиль; но убъжденіе это мѣнялось, не только съ видами игры, а иногда и съ высотою солнца. Дома онъ обыкновенно корчилъ строгаго, HO справедливаго отца семейства; если случился такую минуту кто-нибудь ВЪ Шелоумова посторонній, рвчь TO изобиловала безконечными поученіями: онъ быль нравоучителень до приторности, съ

дворовыми и крестьянами былъ крайне ласковъ, шутливъ, словоохотливъ, снисходителенъ, то опять вдругъ приходило ему въ голову, что надобно ихъ взять въ руки, и онъ былъ крикливъ, шумливъ, нестерпимости; драчливъ, ДО TO опять достигнуть всего однимъ хотѣлъ путемъ убъжденія, и наставленія, поученія, Мысли у Краснаго Крыльца сочиненія Яковлевича, читались по цѣлымъ Ивана собраннымъ часамъ ВЪ одну крестьянамъ, какъ приказъ земскаго суда. Послушайте его въ такой часъ, и вы найдете живаго Стародумова или Прямикова, лица, которыя, какъ мы полагали, могутъ жить только въ скучныхъ монологахъ отжившей Докучая всъмъ въкъ свой драмы. невъроятности, когда находила на него эта полоса премудрости, онъ самъ былъ собою доволенъ и счастливъ: послушать его, такъ онъ преобразовалъ весь околотокъ, сдѣлалъ крестьянъ своихъ умныхъ, разсудительныхъ, добрыхъ и послушныхъ людей, а поглядъть на дълъ, безтолочь такая же какъ и всюду, та же овца, тъ же

тальки, самосидныя яица, утиральники и новоженцевъ. При СЪ людяхъ, которые мало знали Ивана Яковлевича или прівзжали въ первый разъ, онъ нервдко вдругъ прикидывался хватомъ, молодцомъ, силачомъ, отчаяннымъ ратникомъ поприщѣ спасенія погибающихъ; и все, что онъ желалъ, можетъ-быть, когда-нибудь сдълать, все это являлось него $\mathbf{V}$ готовымъ, дъйствительно исполненнымъ и сдъланнымъ, и онъ лгалъ и вралъ тогда зазрвнія соввсти. Иногда безъ всякаго находила на него неодолимая потѣшить присутствующихъ русскими даже пляской, пъснями, тогда И пускался во всв нелегкія, кстати ли, кстати, ему все-одно. Иногда ломаль онъ немилосердно и по цѣлымъ днямъ русскій языкъ, передразнивая Нѣмца, Англичанина, Италіянца, и тогда уже ни съ къмъ не

говорилъ иначе; въ другое время порывался по-украински, по-польски, говорить начиналъ пріучать себя говорить самымъ книжнымъ русскимъ языкомъ, то хотълъ поддълаться подъ наръчіе крестьянское, то корчилъ заику, косноязычнаго и наконецъ звѣря или птицу. Иванъ Яковлевичъ напримъръ неръдко, сидя у себя одинъ, упражнялся чтобы ВЪ томъ, кричать пътухомъ, теленкомъ, кошкой, или волкомъ. Свои къ этому привыкли, и если вдругъ страшный вой раздался по цѣлому обращалъ то никто на ЭТО не вниманія. Разъ только страшный волчій вой переполошиль весь домь, потому что дъло происходило ночью. Иванъ Яковлевичъ самъ перепугался этой тревоги: мать ахала, стонала, дрожала, дъти ревъли въ-голосъ, дъвки и холопы сбивали другъ друга съ ногъ, дворня сбъжалась, потому что уже и сторожъ, думая, что ВЪ домѣ рѣжутъ, колотилъ BO всю мочь деревяннымъ клепаломъ и оралъ во всю «Караулъ!» Ивану Яковлевичу, глотку: какъ онъ тогда сказывалъ, показалось, что

должно быть утро, и хотълъ онъ только напугать проспавшихъ холоповъ. Я помню также, какъ Шелоумову вздумалось непремѣнно выучиться ржать по-конски: это стоило большаго труда, и за привозили изъ сосъдства учителя, какогото Цыгана или Татарина. Но обыкновенно Яковлевичъ подражалъ такому человъку, наружности во всемъ котораго недавно видълъ, если человъкъ этотъ или особенно понравился ему или онъ хотълъ его осмъять.

Вотъ вамъ отецъ мой и благодътель налицо. Послѣ этого, не мудрено, если онъ, вспомнивъ вдругъ, что я несчастный сирота, приказалъ вымыть, вычесать меня, одъть въ старое платье барченка, призваль, говориль очень долго и назидательно, - хотя я и ровно ничего ЭТОГО не понималъ, вельль мнь учиться вмъсть съ баричами у священника, у отставнаго протоколиста, котораго не велѣно было принимать никуда на службу, и у взятаго для ученья въ домъ Француза отмороженными СЪ ногами, который остался въ томъ краю, когда всъ

товарищи его, плѣнники съ ногами, отправились домой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отъ замороженнаго Француза до зеленой куртки Ивана Яковлевича.

Этому Французу и священнику я обязанъ много: они меня всему доброму выучили, что я знаю и что во мнъ есть. Протоколистъ училъ насъ только вмѣсто всемірной и россійской исторіи, быть всемірными и россійскими негодяями, воровать для него у барина табакъ, а у барыни сахаръ, нитки, иголки. Лучшее, чему онъ насъ выучиль, это играть мътко въ козны, въ свайку, и ловить разными западочками пѣвчихъ силками и Случай, которому ПО онъ наконецъ лишился хлъба у Ивана Яковлевича, стоитъ того, чтобы объ немъ упомянуть. Онъ, какъ я сказаль, таскаль домой все, что только попадалось ему подъ-руки, прочимъ завелъ очередь между учениками

отпарывалъ каждый СВОИМИ И день одного, по пуговкъ, роговой или мъдной, какая случалась, а обтяжныхъ впрочемъ не велѣлъ Дѣтямъ онъ что пуговка говорить, оторвалась потерялась. Но какъ въ этомъ домѣ никто много объ одеждъ нашей не заботился, а протоколистъ день-за-день продолжалъ промыселъ свой, то баринъ И замѣтилъ вдругъ за объдомъ, что на баричахъ ни на одномъ нътъ ни одной пуговицы. Дъло пошло на разбирательства, а какъ я уже вовсе не желалъ, чтобы меня опять посъкли въ примъръ и страхъ другимъ, то я открыль въ ту же минуту всю продълку. Протоколиста комнатку, черезъ дворъ, въ пристройкѣ, освидътельствовали, прчи врюкр краденыхъ бездълушекъ, надъли ему на шею низку пуговицъ, низку кусочковъ caxapy, изъ помню, большаго труда стоило нанизать сахаръ этотъ, но Иванъ Яковлевичъ настоялъ на своемъ, напутали протоколиста на шелку, булавками нитокъ, да иглами прикололи къ сертучишку краденые листы

бумаги, ленточки, всякую дрянь, выводивши въ этомъ нарядѣ по двору и по всему селу, вывели за околицу и пустили по дорогъ. Помню, что протоколистъ просилъ жалобно: «Что угодно извольте дълать надо мной, хоть плетьми прикажите наказать, только чести не лишайте, не изгоняйте изъ дому своего безъ куска хлъба». Но всъ просьбы не помогли: протоколиста не стало. У священника выучился я по-русски и еще кое-чему, а Французъ настроилъ меня на такой ладъ, что меня забрала страстная охота учиться всему на свътъ. У него безъ пути не проходило ни одного часу: сидитъ за чаемъ, разговариваетъ съ тобою обо всякой всячинъ пріохочиваетъ ШУТЯ И ребенка разспрашивать и слушать; какую вещь ни возметь въ руки, придерется къ ней и разскажеть, какъ дълается, гдъ, куда и для чего, когда изобрътена, и прочая. Пойдетъ гулять съ тобой на костыляхъ, ни цвѣтка, листка, букашки, НИ НИ не чтобы пропуститъ, научить, не какъ она, какой разрядъ называется ВЪ порядокъ слѣдуетъ и почему и куда и для чего бываетъ пригодна. Отъ него я шутя выучился тремъ языкамъ. Онъ съ попомъ нашимъ былъ очень друженъ, умѣлъ ладить со всѣми, даже съ Иваномъ Яковлевичемъ, буду что Я вѣкъ также благодаренъ, не давая намъ никогда слоняться отъ бездѣлья изъ угла въ уголъ, занималъ столярной, токарной и картонной работой, выучилъ немного чинить часы, замочки, и прочая.

образомъ минуло мнѣ Такимъ лѣтъ... Да! теперь семнадцать вспомнилъ, что я ни слова не сказалъ о второй названной матери моей, Настасьъ Ивановнъ Шелоумовой. Гръшно бы мнъ забыть ее когда вырось я у нея въ домъ какъ сынъ. Она любила и уважала Ивана Яковлевича какъ-нельзя больше, до такой степени, что примънялась каждый день къ личинъ, которую онъ надъвалъ, къ роли, которую играль, и сама того не замъчая измѣнялась день-за-день также правилахъ, нравѣ, видахъ и намѣреніяхъ своихъ, и слъпо шла ощупью за Иваномъ Яковлевичемъ. Отставала она отъ

противилась, плакала, молила и кричала, когда онъ впадалъ въ крайности вредныя и дурныя, когда находило на него рвеніе преобразовать весь міръ плетью и палкой. И, дъйствительно, тогда Настасья Ивановна брала вскоръ надъ верхъ, нимъ побъжденный, образумившись перескакивалъ верхней ступени СЪ крайностей своихъ на вторую и третью, перестраивалъ ладъ дудки своей по-ниже, а иногда гласно и торжественно винился и повиновался супругь своей, проповъдуя славу и хвалу женщинамъ И признавая ихъ естественными наставницами и руководительницами нашими. Въ такую пору ничего въ домъ и въ хозяйствъ не дълалось безъ спросу Настасьи Ивановны: къ ней посылались и дворецкіе и бурмистры и конюшіе, до которыхъ ей, по принятому въ домъ порядку, не было ни какого дъла, потому что она не входила и не мѣшалась «Дочерей **у** что. меня ни говаривала она. Богъ не далъ! стало-быть, нътъ и хозяйства, нътъ и дъла какъ только угождать на Ивана Яковлевича. А сыновья

растуть у него на рукахъ: какъ себъза тъмъ она, обыкновенно, знаетъ!» И тяжело вздыхала, покачивала головой, неръдко и плакала. Жалобы, слезы вздохи были ея стихіей: безъ нихъ она – какъ казакъ безъ коня, какъ воинъ безъ шпаги. Всегдашній ея разговоръ со своими ли, съ чужими ли, это было благодареніе Богу за семейное благополучіе свое; но это дълалось такимъ плачевнымъ образомъ, что, не вслушавшись, можно бы подумать она какого-нибудь поминаетъ ЛИ покойника и жалобно ему причитываетъ. О четырехъ дъткахъ своихъ она говорила точно такимъ образомъ, будто у нея всего одно только дитя за душой, да и то ктонибудь отрываетъ ОТЪ груди любезномъ Иванъ Яковлевичъ, будто онъ разбитъ параличомъ и лежитъ уже на одръ смерти; о порядочномъ имъніи, которое съ обезпечивало избыткомъ всѣ нужды семейства, будто сегодня Господь насущную кроху, а будеть ли завтра, кто знаетъ! По этой же привычкъ, она всегда говорила умилительными И

уменьшительными словами, муженёкъ, муженёчекъ, дъточки, дътушки, дътеныши, мужички, деньжоночки, домишко, огородишко, пашенка, прочая. И одъвалась очень просто, всегда въ темное платье, но чернаго ни за что на свътъ не шила и не терпѣла. «Нѣтъ, батюшки– свътики мои, ужъ сама на себя лиху-бъду не накличу». Иванъ Яковлевичъ ходилъ, по обстоятельствамъ, разнородномъ ВЪ домашнемъ платьъ, и иногда можно было, взглянувъ на него, отгадать, кто онъ таковъ сегодня и чъмъ или къмъ хочетъ быть. Когда онъ являлся въ халатъ своемъ, это значило, намъренъ онъ что хозяиномъ, домосъдомъ, отцомъ семейства; если выходиль поутру прямо въ сюртукъ байковомъ или камлотовомъ, это значило, что онъ будетъ человъкъ крайне дъловой и занятой; если въ коротенькой курткъ, это была одна изъ дурныхъ примътъ и очень походило на расправу со своей дворней: тогда уже холопы толкали другъ друга въ локоть, отъ передней до скотнаго двора было извъстно, что баринъ вышелъ кушать

курткѣ. Если только Настась в Ивановнъ удавалось стащить СЪ плечъ Ивана Яковлевича куртку эту, которая-де прилична однимъ ребятишкамъ, тогда и проносилась мимо. Ho крайности, — вовсе безъ верхняго платья, растегнутой настежъ одной только жилеткъ, или въ щегольскомъ убранствъ, – показывали, что баринъ будетъ отчаяннымъ весельчакомъ. молодцомъ, Щегольское убранство впрочемъ было въ ходу только чужихъ, когда прівзжаль кто было погостить, суконный двоякое, И сюртукъ или даже фракъ, со всѣми къ нему принадлежностями, или кофейнаго же цвъту венгерка, съ черными снурами и прикладомъ. Очевидно, въ первомъ случаъ выходить свътскій щеголь, во второмъ лихой рубака, спаситель всъхъ утопающихъ сгорающихъ. Тогда примърамъ И И самоотверженія Ивана Яковлевича не было конца, и онъ чистосердечно разсказывалъ, что представиль-было самъ себя къ медали погибавшихъ, спасеніе когда за СЪ отчаянною рѣшимостію погасилъ руками

ситцевый пологъ у постели спавшей жены своей; что не умѣютъ цѣнить достойныхъ, медали не дали, — но умалчивалъ при этомъ случаѣ, что онъ самъ и поджогъ пологъ этотъ, заснувши и не погасивъ свѣчи.

Дъти Шелоумовыхъ были не одинаковы: третій сынокъ былъ, кажется, въ плаксивый мальчишко; четвертый упрямый, баловень матери, отца И большой шалунъ; второй, мнъ ровесникъ, быль хорошій, умный малый и одинъ изо всѣхъ охочъ къ наукамъ: съ нимъ дружно; старшій былъ ладили И жили отъявленный негодяй, достойный ученикъ протоколиста, изъ котораго этотъ успълъ сдълать молодца на свой ладъ. Онъ давно уже зналь все и умъль все, и, въ ссоръ съ братьями своими, тотчасъ козыряль имъ старшинствомъ своимъ и что онъ одинъ будеть наслъдникомъ отцовскаго имънія, а ихъ устранитъ и не признаетъ братьями. Отцу онъ не смълъ грубить, а матери сказалъ однажды въ-глаза, что сожжетъ домъ, если она станетъ такъ присматривать за нимъ какъ за маленькимъ, и не дастъ

ему воли дѣлать что хочеть. «Воть у васъ дитя, сказалъ онъ, указавъ младшаго: а я по отцѣ въ домѣ старшій». Съ нимъ-то, съ Сергвемъ Ивановичемъ, жили мы очень не въ ладахъ съ малыхъ Меня звали Вашей, Вашкой или Вашенькой: онъ всегда коверкалъ имя мое и, несмотря на всѣ ссоры и запреты, до послъдняго дня никогда не звалъ иначе. Если у меня было что-нибудь съъстное въ рукъ и близко никого изъ случалось, не старшихъ TO Сергъй Ивановичъ ужъ непремѣнно выбьетъ у меня ломоть изъ рукъ и, толкнувъ его ногой, закричитъ пиль! Если подъ Я, руководствомъ Француза, склеивалъ расписываль бумажный домикъ, строилъ деревянную мельницу, бывало, TO, оглянуться успѣю, Сережа, не какъ наткнувъ избушку мою на длинную палку, по улицѣ и кричалъ – Кому набалдашникъ! кому набалдашникъ! – наконецъ, выманивъ меня этимъ знакомымъ и зловъщимъ крикомъ, разбивалъ работу мою въ дребезги, не давъ мнъ добъжать до

нъсколько Эта шаговъ. же него на палка имѣла и еще другое знаменитая назначеніе: Сергъй Ивановичъ караулилъ гдѣ-нибудь дверяхъ дѣвокъ ВЪ подставляль имъ нечаянно палку, чтобы онъ черезъ нее падали. На жалобу я какъто ръдко ръшался, драться самъ не смълъ, и если бы не костыль Француза, то не было бы мнъ иногда житья отъ Сергъя. Раза два ему однако же отомстиль, сдѣлавъ гласный доносъ на него, первое, за жестокіе побои одному крестьянскому мальчишкъ, у котораго самъ же онъ отнялъ и задушилъ зайчонка, и второе, за покражу у старосты полтинника. Оба раза Иванъ Яковлевичъ пришолъ мгновенно въ такое расположеніе духа, что цѣлыя сутки ходилъ въ курткѣ и еще засучивъ рукава: самый отчаянный знакъ; оба раза Сергъй Ивановичъ былъ наказываютъ наказанъ, какъ только дворянъ малолътныхъ и ни какая мольба Ивановны Настасьи высѣчь лучше примъру дворовыхъ одного изъ мальчишекъ, которые вчера еще пролѣзли въ палисадникъ и рылись въ огородѣ, не

помогла: Сережа наказанъ, и куртка еще цълыя сутки нагоняла страхъ на Божій міръ въ селѣ Путиловѣ. Этого-то мнѣ Сергѣй Ивановичъ никогда не могъ простить и когда мнѣ уже минуло семнадцать лѣтъ, какъ я упомянулъ, а ему девятнадцать, онъ все-еще твердо помнилъ угрозы свои и готовъ былъ вырвать у меня изъ рукъ послѣдній ломоть хлѣба и бросить его собакѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отъ зеленой куртки Ивана Яковлевича до послѣднихъ фокусовъ его.

И такъ всѣ мы подрасли. Мнѣ минуло семнадцать лѣтъ, — считая по именинамъ: дня своего рожденья я не зналъ, — но это сдѣлалось такъ незамѣтно, исподоволь, что мы все-еще считались ребятами, и Иванъ Яковлевичъ говорилъ о томъ, куда намѣренъ пристроить сыновей своихъ на службу, какъ о вещи еще весьма отдаленной. Въ одинъ вечеръ, когда у насъ

съѣхались кое-кто изъ сосѣдей, навезли богатымъ женихамъ: Иванъ Яковлевичъ былъ необыкновенно въ духѣ, проказы на-диво, разрывался, чтобы утъшить, насмъшить и занять всъхъ, и между прочимъ провизжалъ нечаянно такъ натурально щеночкомъ, что Настасья Ивановна даже, отъ жалости КЪ махонькой твари, прослезилась и, глубоко вздохнувши, покачала головой. Потомъ Иванъ Яковлевичъ схватилъ меня необыкновеннымъ жаромъ, вытащилъ середину комнаты, поставилъ передъ себя и перебирая пальцами лѣвой руки мнѣ по лицу, пилилъ меня правой рукой поперегъ живота, подражая голосомъ чрезвычайно контрабасу. шутка всъхъ Эта удачно Иванъ насмѣшила Ho ДО слезъ. Яковлевичъ, вдругъ закашлявшись и какъбудто вздумавъ что-нибудь новое, опрометью побъжаль изъ залы въ кабинетъ. Все затихло ожиданіи; ВЪ также, стоя по-середи комнаты, ждалъ приказанія, думая что штуки будуть еще продолжаться, и не смъя сойти съ мъста.

Проходить нѣсколько минуть, и все тихо, а въ кабинетъ раздается какой-то глухой и дикой голосъ. Всъ считали обязанностью хохотать надъ этой шуткой хозяина, хотя никто еще не понималъ, что это значитъ. Ивановна Настасья упрашивала Одна только мужа плаксивымъ голосомъ потому перестать, **ЧТО** ЭТО слишкомъ страшно и предваряла гостей, что Иванъ Яковлевичъ собирается взвыть волкомъ. Голосъ затихъ; всѣ снова прислушиваться; послышалось сильное хрипѣніе; опять захохотали: нельзя хозяинъ тъшитъ гостей: надо благодарить. «Воть, Настасья Ивановна, сказала одна гостья, вамъ не въ-угоду была та штука: Яковлевичъ Иванъ тотчасъ другую И проказникъ!» нашелъ, заснулъ.... экой Затихло и хрипъніе; ждали, ждали: больше Ивановнъ Настасьв нѣтъ. ничего Иванъ сомнительно, показалось что Яковлевичъ долго тамъ дълаетъ и гостей кабинетъ ВЪ И покинулъ: пошла взвыла волкомъ. Иванъ Яковлевичъ лежалъ

на диванчикъ и простывалъ уже: съ полчаса какъ изволили скончаться!

бѣднаго Ивана Яковлевича такъ внезапно кровяной ударъ: и ни слъду жизни больше! ни тъни надежды! Суматоха сдълалась въ домъ страшная: всъ тъснились въ трехъ-аршинный кабинетецъ, толкали другь друга; бабы подняли вой, волчій, какого покойнику истинно за-живо подслушать; привели удавалось запыхавшагося мельника, который, около машиннаго дъла ходить, умълъ также поставить рожки и бросать кровь. Кровь не пошла; но при этомъ случаѣ, всѣ, кто былъ живой туть, убъдились, что покойникъ приготовилъ-было еще много штукъ сегоднишній вечеръ. Поднесли свъчи, стали раздъвать покойника, чтобы бросить ему кровь, всъ тъснились и зорко, пристально вглядывались; сняли перчатку СЪ лѣвой кулакъ руки: написана красками на преуморительная рожа.... нельзя смъяться, всей при жалости! Иванъ Яковлевичъ умѣлъ закутывать и свивать искусно расписанную образомъ такимъ

выходилъ плачущій И него руку, младенецъ, котораго качалъ онъ убаюкивалъ и самъ же за него ревълъ. Сняли фракъ: другая штука на-готовъ, положена вдоль спины бълая полотняная рубаха.... какъ-будто зналъ, что она ему сегодня понадобится! Это была завътная штука Ивана Яковлевича, которую никому не сказывалъ, только всъхъ удивлялъ. Смерть ему измѣнила: теперь все вышло наружу. Иванъ Яковлевичъ ходитъ, бывало, будто ни въ чемъ не бывалъ, и заведеть рвчь, что можно-де съ угодно снять все бълье, а платья не трогать: оно остается сверху. Разумъется, никто не върилъ, но никто и не соглашался, при всемъ честномъ обществъ, на пробу, а только спорилъ, что быть не можетъ. Тогда Иванъ Яковлевичъ говаривалъ: «Ну, такъ ужъ и быть! для такого дня, для такихъ гостей, извольте, — я жертвую собой!» — и, шейный платокъ, развязывалъ снявъ обложенный изъ-за воротничекъ СПИНЫ рубахи, разстегивалъ рукава ея на бълыхъ пуговочкахъ, **ТИНЕТИН** приказывалъ И

кому-нибудь ухватить на затылкъ воротъ рубахи и тянуть смълъе: къ общему ужасу и удивленію, рубаха вся выходила этимъ путемъ наружу, а фракъ оставался плечахъ, и все платье на своемъ мъстъ и въ порядкъ. Далъе: ногти среднихъ пальцевъ были у покойника покрыты слоемъ желтаго ДЛЯ отличнаго фокуса серебряными пятачками; за-ухо положена мокрая губка, чтобы изъ ножа выжимать изъ кармана жилетки выкатился которымъ Иванъ Яковлевичъ, свистокъ, бывало, дразнить соловья; словомъ, покойникъ былъ **ЭТОТЪ** день весь фокусахъ и, глядя на все это, можно было усомниться, не фокусь ли и это холодное чело, бездыханная грудь и сердце безъ бою.

Но, нѣтъ, это былъ не фокусъ! мы осиротѣли, не успѣвъ и подумать о сбыточности такого горя, не испытавъ ни одного мгновенія страху, боязни и надежды у изножья его одра. Я плакалъ горько; соленая ѣдкая слеза текла по щекѣ и растравляла царапину, которую провелъ

тутъ невзначай Иванъ Яковлевичъ, когда игралъ на контрабасѣ; я потиралъ ее рукой и плакалъ, и оглядывался: мнѣ казалось, благодѣтель мой еще стоитъ за мною и пилитъ меня по брюху, и царапаетъ пальцами по лицу.... А трупъ его лежалъ уже передо мною!

Это быль вообще первый покойникь, котораго мнъ съ-издътства случилось такъ близко видъть. Я не могъ върить, что благодътеля моего нътъ: онъ живой былъ еще слишкомъ близокъ ко мнъ. Я остался при покойникъ и прорыдалъ всю ночь: однообразнымъ читали глухимъ дьячки полу-голосомъ, Французъ сидълъ въ углу на креслахъ, положивъ руки на сложенные передъ собою костыли; поперегъ Ивана Яковлевича плакали, кромъ Сергъя, утъшился; Настасья который скоро Ивановна всю ночь пролежала на полу ничкомъ, вопила и выла, припоминая и причитывая все добро, которое видъла отъ супруга своего, оканчивала И вопросомъ – «А кто мнъ теперь будетъ», и прочая. Дворня, въ первую минуту, съ

бросилась пронзительнымъ воемъ барскіе покои, но вскоръ угомонилась, кромѣ нѣсколькихъ бабъ, которыя остались при Настасьѣ помощницами Ивановиъ. Мужики приходили изъ села безпрестанно, чинно, входили тихо И вздыхали, крестились молча, и опять уходили. Бабы всъ любопытствовали только взглянуть на лицо покойника, посмотрѣть на больше имъ ничего не нужно было. На третій день были похороны, къ которымъ вдругъ явился, откуда ни взялся, нашъ протоколистъ, котораго мы не видали уже нъсколько лътъ. Онъ такъ ълъ поминальной трапезой, будто во всъ годы эти не бралъ въ ротъ ни крохи въ ожиданіи такого сытнаго случаю.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Отъ послѣднихъ фокусовъ Ивана Яковлевича до казеннаго добра, которое не тонетъ и не горитъ.

правленіе Сергѣя Начинается Ивановича, старшаго наслѣдника, потому что до назначенія и прівзду опекуновъ, прошло много времени и во все это время правиль дълами и хозяйствомъ онъ одинъ, неограниченно. Правленіе ознаменовалось тымь, что протоколистъ снова поселился въ домѣ и остался правою Француза хозяина; что рукою новаго согнали со двора, а отца Стефана, который прежде бывалъ ежедневно, не стали пускать въ домъ. Все примъты хорошія. Въ первый отъ-роду пришла мнѣ ВЪ голову мысль о томъ, что же современемъ изъ меня будетъ? какой мнъ путь открытъ въ Сильно мірѣ? какое назначеніе? мое овладъла мною эта забота, отбивала отъ сна ѣды. Я пошелъ отвести душу къ Французу, котораго взяль къ себѣ въ домъ

на время священникъ. Я просидълъ у него долго. Онъ утъшалъ меня много, но не утъшилъ: никто изъ нихъ не могъ ръшить моего сомнънія и сказать мнъ что-нибудь положительное. Я не думалъ тогда, что судьба печется обо мнъ уже по-своему и что будущая участь моя ръшается въ эту самую минуту въ барскомъ домъ.

Протоколистъ шнырялъ всюду, наставляль и поучаль Сергья Ивановича и, рывшись въ конторф, открылъ нечаянно, что покойный баринъ приписалъ меня при послъдней народной переписи, когда быль еще по другому году, ВЪ крѣпостные и дворовые. Съ этою вѣстью, ревизорскою сказкой рукахъ, ВЪ поспѣшилъ онъ нынѣшнему КЪ своему Взявши покровителю. меня круглымъ домъ, Иванъ Яковлевичъ, сиротою ВЪ въроятно, ни сколько призадумался не пристроить меня къ своей дворнъ: ребенокъ взять еще сосункомъ, вскормленъ; своихъ у него нътъ; здъсь онъ чужой: куда же его больше дъвать какъ не въ дворовые? Когда впослъдствіи сдѣлали же ИЗЪ меня

полубарича, то Иванъ Яковлевичъ, какъ послѣ Настасья Ивановна, сказывала намъренъ былъ дать мнъ отпускную, но времени впереди еще казалось много, ребенку вѣдь все-равно куда приписанъ и гдѣ числился, а выростеть, успъемъ отпустить. Такъ думалъ Иванъ Яковлевичъ, да не такъ вышло. Не успълъ я воротиться отъ священника, какъ малый прибъжалъ за мною, звать меня къ Сергъю Ивановичу, который уже перебрался въ покои стараго барина. Въ углу стоялъ подобострастно протоколистъ. «Дурная примъта!» подумалъ я, и не обманулся. Сергъй Ивановичъ, назвавъ меня въ первый отъ-роду не искартавленнымъ именемъ моимъ, Вакхомъ, продолжалъ: «Я привожу послъ покойнаго батюшки дъла въ порядокъ, и подумалъ также о тебъ. Вотъ, видишь, ревизскія сказки, въ которыхъ ты тогдашней сыномъ скотницы значишься нашей, Катерины, служить И долженъ господамъ своимъ другаго?.... хуже не Полно тебъ жить дармоъдомъ: это стыдно и гръшно. Надъюсь, ты помнишь всъ наши благодъянія и постараешься ихъ заслужить. Я на первый случай на напомню тебъ старыхъ твоихъ гръховъ. Бывшаго старосту я смънилъ, а новый безграмотенъ, да и мало привыченъ еще къ дълу: будь же ты у него помощникомъ, да слушайся его во всемъ, а нето, если не подорожишь моею милостью, такъ будешь у меня свинопасомъ. Ступай. Жить можешь покуда въ конторъ».

Все это меня такъ озадачило, что я опять въ ту же минуту пошель на судъ и совътъ къ отцу Стефану. Французъ стучалъ костылями въ полъ и грозилъ кулакомъ на воздухъ, а отецъ Стефанъ, выслушавъ все спокойно, пошель самь въ контору справкой. Она подтвердила Bce: приписали шестнадцать лътъ тому назадъ, забыли про это или оставили безъ вниманія; никто объ росъ, и такъ Я И маловажномъ обстоятельствъ не заботился. Просьбы священника у Настасьи Ивановны не помогли, а разсердили только Сергъя, смѣла указывать, которому мать не братья его и подавно были безгласны: онъ

всѣхъ ихъ рвалъ за уши и грозилъ сѣчь. То же досталось и второму, Николаю, который ходилъ за меня просить. Такимъ образомъ была рѣшена. Французъ МОЯ больше нечего успокоился, когда дѣлать, и училъ меня переносить свою судьбу, удерживая отъ всѣхъ дурныхъ замысловъ и покушеній, которые иногда моей бъдной головъ, роились ВЪ побъгу, который напримъръ отъ на однажды-было почти рѣшился.

Мое положеніе было нестерпимо, и если бъ не отецъ Стефанъ, да не Французъ, я бы себя погубилъ. На что мнъ дали образованіе? Приписали: такъ и оставили бы у Катерины, на скотномъ дворъ! и я бы пасъ свиней, да плелъ бы лапти не хуже другаго! теперь... Какъ A тяжело! помощникъ старосты, записывалъ я бирки его, стоялъ по цѣлымъ днямъ и считалъ пробнаго снопы, молотили когда ДЛЯ объѣзжалъ околицу, умолоту, пашни, стояль съ хворостиной, когда пахали не на урокъ, а по днямъ, и былъ вообще посылкахъ. Бывало, въ темную, грязную

ночь, идешь отъ избы до избы подъ окно, постучишь и наказываешь, по наряду старосты, кому куда съ зарей на работу. Вотъ въ чемъ состояли занятія Вакха Сидорова Чайкина, попавшаго изъ полубаръ чуть не въ свинопасы!

Но всего этого Сергью Ивановичу было мало: онъ, видно, рѣшился доконать меня, сталь налегать со дня на день больше. совъстно было все-таки Немного передъ всѣми живыми людьми. Дѣлалъ я все, что ни заставять, и ужь жалобь на меня не было ни какихъ. А я видълъ чего ему хотълось: онъ, таки не шутя, хотълъ по-немногу поднять меня ДО свинопаса, и хотълось ему непремѣнно меня посъчь. Французъ всегда умълъ меня утѣшить успокоить, всъхъ И BO обстоятельствахъ давалъ положительные совъты дѣлать; но что когда Я предложилъ послѣднее однажды обстоятельство на разръшеніе, тогда онъ замолчаль и стиснуль только зубы, повель бровями и пожалъ плечами. Отвъту я долго не могъ отъ него добиться; наконецъ онъ сказаль: — «Дѣлай что самъ знаешь!» — и, вставъ, пошелъ раскачиваться по маленькой свѣтлицѣ на костыляхъ.

Но Господь сохранилъ меня и не допустилъ до этого: иначе, можетъ-быть, теперь лежалъ бы на душѣ моей большой грѣхъ. Тутъ случилось вотъ что.

теперь помню, въ воскресенье, поутру, когда мы выходили отъ объдни, – а въ деревняхъ, какъ вы знаете, объдня и оканчивается начинается И рано, зазвенѣлъ вдругъ концъ на колокольчикъ, поднялась пыль, летитъ тройка. Ну, это ужъ, конечно, не кто какъ исправникъ. Въ деревнъ это событіе исправникъ послѣднее: безъ дѣла прівдеть. Всьмъ хочется знать, зачьмъ онъ пріъхаль, и барскіе холопы всегда уже, по два и по три, стоятъ упершись головою въ двери, и подслушивають о чемъ идеть рѣчь. обѣдни Я пошелъ СЪ отцомъ Стефаномъ къ нему, черезъ И вдругъ шасть въ двери названая мать моя, старуха Катерина. Она вошла запыхавшись и съ какимъ-то особенно таинственнымъ

видомъ; помолившись, прокашлявшись поздоровавшись, разсказываетъ ВЪ отчаяньи, что исправникъ прі халъ за мной, что меня беруть въ солдаты. Долго мы добиться толку у старушки, которая едва успъла отвести духъ, какъ залилась слезами и начала причитывать по мнѣ какъ по покойникѣ: «А, ты радость моя! а, ты ненаглядный мой! а, ты красное солнышко мое!» и прочая. Когда батюшка побраниль ее и успокоиль, а Французъ въ прикрикнулъ, нетерпѣніи въ полъ, костылемъ TO такъ она, же безтолково, И RTOX всей несвязно BO подробности разсказала, что Андрюшка сталъ-было подслушивать $\mathbf{y}$ дверей баринъ кабинета. куда ушелъ исправникомъ, да баринъ увидалъ и взялъ Андрюшку за чубъ, и ударилъ лбомъ въ отбилъ Андрюшкъ косякъ. И подслушивать; Ефимка Ванькой да СЪ подошли, немного погодя, на смѣну и коечто слышали-таки, да баринъ опять вдругъ выскочилъ и ухватилъ ихъ за чубы и долго лобъ, между-тъмъ лобъ объ колотилъ

однако жъ Андрюшка опять отдохнулъ, оправился и снова подкрался, со щеткой въ рукахъ, на случай прикинуться, будто что подметаетъ; и всѣ они вмѣстѣ слышали, что исправникъ пріѣхалъ за мной и беретъ меня въ солдаты.

Какъ ни была для насъ троихъ, отца Стефана, Француза и меня, въсть эта непонятна, потому что нельзя было тутъ добиться ни какого смыслу и толку, однако она всъхъ насъ крайне обрадовала. Это была одна изъ счастливыхъ минутъ жизни моей, и я не смълъ дать полной въры словамъ моей старухи. Французъ просто внъ себя отъ радости: батюшка поздравлялъ меня съ отдачею въ солдаты, какъ поздравляють близкаго человъка съ чиномъ генерала. Помню все это какъ теперь: я стоялъ середи комнатки, сложивъ руки, выставивъ ногу впередъ, и, кажется, старался придать себъ солдатскую осанку; батюшка передо мною, въ праздничномъ подрясникѣ своемъ и положивъ руку на грудь, увърялъ меня въ искренней своей радости, въ милости Господней и непостижимости Промысла Его, и косился немного на Француза, который, вскочивъ съ мѣста, стоялъ на одномъ костылѣ, другой вскинулъ на плечо вмѣсто ружья, и, потряхивая молодецки головой, пѣлъ изо всей силы *T'en эоиvienэtu*, столь извѣстную французскую военную пѣсню. Между—тѣмъ попадья выглядывала любопытно изъ—за перегородки, со сковородникомъ въ рукахъ, а старая Катерина выла отъ всей души и уже ни на кого болѣе не глядѣла.

И, дъйствительно, я въ тотъ же самый день, вечеромъ, сидълъ уже съ писаремъ исправника на особой телъжкъ и мчался въ нашъ городъ. Отецъ уѣздный Стефанъ упросиль исправника обращаться со мной благосклонно, поручившись меня снабливъ меня на дорогу пирогомъ матушкина печенья. Французъ простился со мной какъ солдатъ съ солдатомъ, далъ мнъ три цълковыхъ: у меня, разумъется, не было гроша. Настасья Ивановна НИ плакала, прощаясь со мной и вспоминая покойнаго своего сожителя, и благословила образочкомъ; Николай Ивановичъ меня

также заплакалъ и обнялъ меня; Сергѣй же самъ не видался со мной, а велѣлъ только отобрать у меня все платье и обувь, и дать сапоги и зипунишко по-плоше изъ домашняго сукна.

было-думаль, что Сергъй σжу Ивановичъ меня отдалъ въ солдаты, хотя и понималъ, для сдѣлалось ЭТО чего такимъ необыкновеннымъ порядкомъ. Во всякомъ случаѣ я благословлялъ судьбу свою. Никто не взялъ себя на объяснить мнъ загадку эту: одинъ только Николай сказалъ мнъ, что меня берутъ по указу губернскаго правленія. Что же я за важный человъкъ, что обо мнъ правленіе пишетъ указы, и почему и за что? Я уже боялся ошибки, боялся что меня опять обратять, когда писарь исправника, попутчикъ мой, объяснилъ мнъ все дъло.

Отецъ мой, какъ я сказывалъ, отправился изъ Комлева въ Лебедянь, на ярмарку, и пропадалъ безъ-въсти болъе году. Я родился во время отсутствія его, вскоръ послъ отъъзду, и мать сама поъхала со мною отъискивать отца. Она, бъдная, и

не знала того, что ему тамъ давно уже лобъ забрили, и что она солдатка, а сынъ ея кантонистъ. На пути сказали ей знакомые встръчные извощики, что мужъ ея, слышно было, никакъ померъ; вслъдъ затъмъ и сама она въ Путиловъ Богу душу отдала, а я на гръхъ остался. Казенное добро въ водъ не тонетъ, и на огнъ не горитъ: черезъ осьмнадцать слишкомъ лътъ меня доискались, и велъли поставить на службу. Какимъ случаемъ отецъ мой угодилъ въ солдаты, этого писарь не зналъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Отъ казеннаго добра, которое не горитъ не тонетъ, до преглупаго покрою платья.

Разсказаль бы я, какъ еще одна добрая душа поплакала за мною въ Путиловъ, какъ она стояла на порогъ избенки подъмельницей, накрывъ глаза лъвою рукою и ощипывая правою цвътную завязку на рубашкъ своей... да не хочу докучать читателямъ. Она же недавно тогда помогала

отцу таскать порожніе мѣшки на мельницу, и вся, отъ головы до ногъ, припудрена была Огромное колесо ворочалось мѣрно; шумный стержень воды прядалъ съ лопасти на лопасть; вся мельница дрожала; гуль отдавался далече, а вблизи пътухъ, похлопывая крыльями, кричалъ $\mathbf{BO}$ горло, и его не было слышно: только видно, что вытянулся и клёвъ свой разинулъ. А колесу какое до чего дъло! Оно знаетъ свое: служить мельнику върно, покуда всъ клепки не разсыплются. Пожалуй, хоть голову подставь, и ту измочалить, и все будеть вертъться по-прежнему. Его не разжалобишь.

Въ первый разъ отъ-роду увидълъ я, былъ свѣтъ путиловскою каковъ **3a** столицей. Уъздный городишко нашъ, съ присутственными мъстами, каменными мнъ столицей, губернскій показался a поселиль во мнв такое уваженіе, что я легохонько ступаль по тропинкамъ улицъ его, не смъя развязно и свободно ходить. Туть я получиль письмо оть Француза, который писаль мнѣ между прочимъ, что

Катерина все-еще не отчаявается исходатайствовать мнъ свободу отъ службы и что протоколистъ взялъ у ней на этотъ предметъ цѣлковый. Она шла путемъ: върила только всякому вздору и върила протоколисту, слушалась совътовъ отца Стефана не давать мошеннику отъявленному пустому денегъ.

Меня черезъ внутреннюю стражу сдали въ полкъ и привели къ присягъ. Страшна присяга показалась мнѣ эта, перечитываль ее послѣ нѣсколько разъ. щадя живота Слова «не своего, до послюдней капли крови» придавали мнъ бодрость, какую-то же расписываль воображеніемь своимь разные случаи, когда доведется мнѣ исполнить надълъ клятву эту. Полкъ вскоръ выступилъ въ походъ, какъ слышно было, въ Италію; но все это оказалось ложною тревогой: размѣщены были ожныхъ ВЪ губерніяхъ на квартирахъ, и храбрость моя, не остывшая во время переходу осьми сотъ версть пѣшкомъ, съ ружьемъ и ранцемъ,

начинала остывать теперь отъ скуки бездѣлья. Между-тѣмъ офицеры замѣтили меня и уже нъсколько въ обращеніи своемъ отличали, а когда однажды рисуночекъ мой дошелъ случайно до полковника, меня, поговорилъ призвалъ мною. разспрашивая обо всемъ, и наконецъ, въ угоду полковницѣ, которой рисунокъ этотъ по вкусу пришелся и она много надъ нимъ смъялась, велъль мнъ объяснить, что такое всъ эти лица и гдъ они. Отговорка моя, что это будеть долгая сказка и въ связи съ приключеніями прежними моими, не помогла: полковница требовала непремѣнно моихъ поясненій и съла на стулъ, какъбудто собираясь меня долго слушать. разсказаль, что туть дворецкій приволокь меня со скотнаго двора, а холопы подаютъ уже скамейку и розги, и меня собираются третій сынокъ Ивана съчь. за то, что Яковлевича воткнулъ сальный огарокъ въ трубку; отцовскую пѣнковую четверо баричей стояли рядкомъ и лъсенкой, одинъ подъ однимъ вплоть у скамьи; Настасья Ивановна, отстоявъ дѣтенышей своихъ,

спокойно уходила ИЗЪ комнаты, работу, принявшись уже **3a** свою за Иванъ Яковлевичъ веретено; стоялъ курткѣ зеленой грозный, своей, распущенный величественный, держалъ клѣтчатый платокъ въ рукѣ и указывалъ тою же рукой на третьяго сыночка своего, говорилъ: «Это, шельменокъ, будто бы слъдовало бы тебя! Принимай на счеть! Гляди: ужъ я его не жалью!» Всь четыре сыночка ревѣли, глядя прямо на отца и не закрывая лица руками: такой ихъ cтрахъ! — a cъменя огромный дворецкій тащиль на-лету и безь того уже шараваришки, изодранные между-тъмъ какъ двое холоповъ наперерывъ старались уложить меня и подняли на воздухъ. Все это дълалось съ такимъ усердіемъ, что, мальчишку казалось, изорвутъ ОНИ клочки и Ивану Яковлевичу доведется съчь одну скамейку. Всъ этому много смъялись; полковникъ хохоталъ, полковница смѣялась почти до истерики, двъ свояченицы также, и вдругъ всъ стали говорить обо мнъ между собою по-французски, сожальть обо мнь,

хвалить пристойную наружность МОЮ умолять полковника, чтобы онъ приняль во мнъ участіе. Мнъ совъстно было слушать это, и я сказалъ полковнику, по-французски. разумѣю Это породило любопытства. болѣе Co заговорили и заставили разсказать на этомъ вкратцѣ похожденія свои. обступили меня, стояли вокругъ глядъли во всъ глаза, какъ на диво какое, на звъря, тюленя морскаго, и не могли натъшиться, надивиться, что человъкъ говоритъ двухъ, трехъ на языкахъ, играетъ на фортепіано. А почему? Потому что человъкъ этотъ стоялъ на вытяжку и приговаривалъ за третьимъ словомъ – ваше высокоблагородіе.

Съ этого дня судьба моя измѣнилась. Полковникъ, который принималъ у себя и юнкеровъ своего полка съ большою разборчивостью, вскорѣ велѣлъ мнѣ ходить къ себѣ обѣдать каждый день. Я охотно занимался ученьемъ дѣтей его, тѣмъ болѣе, что пріобрѣлъ тутъ же и еще ученицу въ рисованьѣ, ученицу, о которой поговоримъ

послъ. Отъ писарьской должности отказался, желая служить, коли-служить, во фронть, и ходиль во всь наряды наравнъ съ прочими солдатами, а свободное время проводиль у полковника. Онъ приближалъ меня къ себъ по-немногу и съ большою осторожностію: видно было, что онъ хотълъ напередъ меня испытать, увъриться, таковъ ли я, каковы были мои слова. Но, менъе чъмъ черезъ годъ я былъ въ домъ – свой, а два, мнѣ нашили Полковникъ показалъ мнѣ представленіе, въ которомъ, несмотря на короткій срокъ службы моей, просиль убъдительно производствъ моемъ.

Положеніе мое при всемъ этомъ было очень странное: мнѣ, какъ солдату, всякій говорилъ *ты*, начиная отъ полковника и полковницы до деньщиковъ; однѣ только горничныя были вѣжливы, называли меня всегда кавалеромъ, почтеннымъ, и Вакхомъ Сидоровичемъ; между—тѣмъ съ дамами полковничьими я былъ какъ со своими... Да лихъ не свои! и не въ свои я сани сѣлъ!

Разъ какъ-то нарядили меня, съ тремя конвой за рядовыми, ВЪ пойманными бродягами, которыхъ отправляли въ земскій Дорогою, одинъ изъ конвойныхъ пустился въ разспросы, кто изъ нихъ, изъ арестантовъ, откуда родомъ. Я только было-оборотился назадъ, чтобъ велъть солдату молчать и не разговаривать съ арестантами, какъ услышалъ, что одинъ изъ изъ Комлева. отвѣчалъ, — Комлева! съ родины моей! Я подумалъ съ минуту и сталъ самъ его разспрашивать, и, сколько помню, одинъ только этотъ разъ во всю службу свою погръшиль я завъдомо противъ присяги своей: каюсь! Я спросилъ, знавалъ ли онъ въ Комлевъ мъщанина Сидора Чайкина или жену его Марью. — «Какъ не знать! отвъчаль онъ: годовъ тому будетъ СЪ двадцать, у нихъ Я крестилъ». — Какого сына? — «Такого сына, какъ бываютъ они, Вакха! Сидоръ въ ть поры уъхаль по торгамь, а мнь наказаль быть крестнымъ отцомъ, коли родится у Оно сталось». И сынъ. И него такъ комлевскій бродяга оказался крестнымъ

отцомъ моимъ! онъ сказалъ мнѣ, что я родился перваго марта, а отецъ мой былъ отданъ въ солдаты того же года во время самой лебедянской ярмарки, слѣдовательно, около Троицы или Покрова, то есть, во всякомъ случаѣ позже, лѣтомъ или осенью. Обстоятельство это, повидимому пустое, было для меня довольно важно: если показаніе крестнаго отца моего справедливо, то я— не кантонистъ, не солдатъ, а мѣщанинъ.

Проводивши крестнаго отца своего въ кандалахъ куда слѣдовало, и давши ему цѣлковый на дорогу, я, какъ воротился, пошель къ полковнику и объявиль все. большимъ слушали Тамъ меня съ участіемъ. Полковникъ сказалъ, разсмѣявшись: — «Видно, тебъ, братъ, на-роду написаны!... чудеса такія между-тъмъ надобно списаться».

Полтора года послѣ этого случаю, всего послѣ четырехъ лѣтъ службы моей и на двадцать—второмъ въ исходѣ отъ—роду, получилъ я чистую отставку, какъ неправильно записанный на службу. И что

дѣлать? Служить было мнѣ же прапорщика оставалось мнъ еще десять лѣтъ; склонность МОЯ влекла меня наукамъ. И такъ... въ отставку! Ружье и ранецъ – въ сдачу каптенармусу; а фракъ, подарокъ доброй полковницы – на плеча. върите ли? когда пришелъ аммуничникъ сдавать казенное добро, такъ повертѣлъ ружье свое ВЪ рукахъ призадумался надъ нимъ: кажется, если бы я съ нимъ сходилъ въ славный походъ, не бы было тяжело на-шутку съ разстаться. Преглупымъ платьемъ показался мнъ теперь нашъ фракъ, послъ солдатской шинели. Венгерка, куцая куртка моего покойнаго благодътеля – право, гораздо толковъе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Отъ преглупаго покрою платья до попутчика.

Куда мнѣ дѣваться теперь и что начать, я еще не зналъ. Небольшія денжонки у меня были; житье у полковника мнѣ было

веселое, ничего не стоило, и я сначала Тутъ никуда не торопился. мнѣ Полковникъ хорошо. хозяйки И милыя иногда строили $\mathbf{co}$ мною планы будущности моей: все это казалось далеко впереди... Нътъ, далеко отъ насъ только прошлое.

Ученица моя, о которой я упомянулъ была меньшая свояченица выше, полковника, Груша. Видно, необыкновенныя похожденія нынъшнее званіе, конечно несогласное съ степенью даннаго мнъ образованія, и другія обстоятельства и случайности, возбудили въ ней живое ко мнъ участіе. Какъ дъвица военная, она привыкла и ко всему быту этого сословія, къ подчиненности солдатъ ея полку, къ услужливости ихъ; но такой я, ей солдатъ, какъ конечно еще попадался. Немножко живое воображеніе ея расписало ей взаимное положеніе наше красками романическими. Я былъ молодецъ вовсе неопытный по этой части, и, коротко сказать, ничего не думаль и ни о чемъ не думалъ, какъ едва не дожилъ до того, что и

было бы поздно. Обыкновенно, думать связь и дружба подобнаго роду, если она возрастаетъ извъстной до степени, тѣмъ, оканчивается что молодые начинаютъ говорить другъ другу наединъ ты. Здъсь на-оборотъ: Груша начала меня тъмъ отличать, что говорила мнъ, когда никто насъ не слышалъ, вы. Я принялся жить, когда вышель на свъть за околицу Путилова, съ такимъ жаромъ и рвеніемъ; я видълъ столько прекраснаго впереди, и, кромъ хорошаго, видълъ иногда смѣшное, а дурное забывалъ; я жилъ свободою дышалъ СЪ такою самоувъренностью, несмотря на незавидный жребій свой, съ такою простотою недогадливостью, СЪ такою совъстью, что шель бодро и безъ оглядки впередъ, думалъ: – «Все хорошо какъ оно беречься, остерегаться, И умълъ. Тъмъ менъе могъ я уберечься отъ такой бъды, какая мнъ тогда грозила, попирать ландыши на пути ногами, когда, казалось, безгръшно могъ ими радоваться и утъшаться. О послъдствіяхъ не было у меня

ни какого понятія: мы съ Грушей только подружились. He хотѣлось докучать вамъ, а не могу и отстать такъ завѣтнаго отъ ЭТОГО предмету. видѣла давно Полковница, конечно, неумъстную дружбу нашу; но ей насъ было жаль, обоихъ, и она считала **BCe** ребячествомъ.

Вслѣдъ за отставкой моей, одинъ изъ капитановъ того же полку посватался на Грушъ. Это надълало такой суматохи въ домъ, что тайна не могла остаться безъ объясненій. Разумъется, что я никогда не смъль и подумать о бракъ съ Грушей, и, дъйствительно, мысль эта никогда мнъ въ голову не приходила; но она отказала жениху, которому, по всъмъ соображеніямъ старшей сестры и зятя, отказывать слѣдовало. Грушу никто не неволилъ, а хотъли только допытаться причины отказу; но, кромъ слезъ и заклятій, что она никогда замужъ не выйдеть, другаго отвъту добились. Все это однако же произвело во мнъ и въ ней, безъ всякаго объ этомъ предметъ разговору, такую видимую для

всѣхъ перемѣну, что никому не трудно было разгадать загадку. Полковница воспользовалась первымъ случаемъ, чтобы со мною объ этомъ переговорить.

Она сдълала это очень тонко и искусно, съ женскимъ умѣньемъ и изворотливостью, и спросила меня, что я объ этомъ думаю. Никогда, въ жизнь мою, не испыталъ я такой пытки, и за себя и за Грушу. Въ эту прозрѣли. минуту очи мои отвъчалъ наконецъ, что ничего не думаю и думать не въ состояніи, просиль ее думать безъ обиняковъ всякихъ за меня И дѣлать: мнѣ что приказывать теперь готовъ на все безъ всякой отговорки или исключенія. «Кажется, прибавиль я, если я только въ этомъ омутъ что-нибудь вижу, то мнѣ должно ѣхать сегодня или завтра».

— Должно, отвъчала она: чувства ваши, которыя васъ никогда въ жизни не обманывали, и теперь остались вамъ върны. Не осуждайте насъ за это: поживете еще не много на свътъ, такъ чтобы вы могли оглянуться назадъ на происшествіе это, и право вы насъ оправдаете.

Разумъется, что отставной унтеръофицеръ свояченицъ полковника своего не женихъ: объ этомъ, даже съ устраненіемъ всъхъ свътскихъ предубъжденій, толковать нечего. Въ эту же ночь я сълъ тайкомъ на двуконную подводу, полковнику и полковницѣ по письму, ускакаль по ближайшему пути на почтовой трактъ. Мнъ и теперь еще больно, что я долженъ былъ оставить полкъ свой и домъ полковника, этотъ пріютъ мой, убѣжище и такимъ безславнымъ образомъ. рай, — Зачъмъ не могъ я разстаться съ семьей, какъ послушное и доброе дитя, выходя свѣтъ, покидаетъ на **ДОМЪ** родительскій?

Француза, Отъ съ которымъ Я переписывался, получилъ постоянно передъ отъвздомъ: въ Путиловъ письмо произошли большія перемѣны. Тамъ давно уже наъхали опекуны, приняли имъніе, вскоръ **ОПЯТЬ** Сергъю, сдали его совершеннольтіемъ его, наѣхали И другіе, потому что имѣніе было **ОПЯТЬ** дурное обращеніе за опеку отдано ВЪ

помъщика съ крестьянами. Добрый Французъ мой нашелъ спокойное мъсто у сосъдняго помъщика.

столбовую Выѣхавъ дорогу, на прыть свою поудержалъ И не закладывать себъ парныхъ подводъ, а сълъ и выжидаль попутчика. Надобно однако же вамъ сказать, куда я ъхалъ. Послъднее похожденіе мое заставило меня подумать будущности основательно И 0 моей. Будь я безъ всякаго чину, просто ничто, такъ бы тутъ заботиться не о чемъ, какъ о деньгахъ: деньги есть, все будетъ, и жить на свътъ можно. Однако порядочное общество двери для меня не отворяются. Такъ ли я былъ воспитанъ? того ли могъ желать? Повторю еще разъ: оставь меня на скотномъ дворъ у Катерины, и я бы пасъ свиней, и быль бы счастливъ, когда у меня брюхо набито, и мнъ бы въ голову не пришло искать и желать иной участи. Но если ужъ разъ сдълали изъ человѣка съ другими понятіями, меня чувствами и потребностями, тогда могу, силахъ, довольствоваться не ВЪ

панибратствомъ черни. И такъ, что мнѣ дѣлать? какимъ родомъ сбыть этотъ камень преткновенія, чинъ? Итти служить? Много воды, можетъ-быть, утечетъ, покуда дослужусь до перваго офицерскаго чину. Остается другое средство, итти учиться. Дѣло рѣшеное! ѣду въ Питеръ, буду заработывать чѣмъ могу насущный хлѣбъ свой, — живутъ же тамъ и другіе люди, и не всѣ же лучше и умнѣе меня! — и стану учиться въ академіи или университетѣ.

Комлево, родина моя, лежало прямаго пути не болъе сотни верстъ всторонъ. Чего бы мнъ, казалось, тамъ искать? Ни своихъ, ни даже чужихъ, которые бы могли помнить меня. Да какъ же не взглянуть, хоть мимоходомъ, на колыбельку свою? Потянуло меня туда. Выъхавъ на большую дорогу, сталъ я у крестьянина, обощель постоялые дворы, завернулъ и къ станціонному смотрителю, и объщаль всюду на водку, если кто найдеть попутчика, который бы согласился подвезти за сходную цѣну отставнаго служиваго. Узнаю;, что на станціи впереди есть какойто баринъ, который также ждетъ попутчика, и тотчасъ отправляюсь туда.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Отъ попутчика до чемодана, въ которомъ добра не много.

Нахожу виднаго молодаго человѣка, который стоялъ, вложивъ руки въ карманы, передъ открытымъ окномъ и напѣвалъ, звучно заливаясь, соловей мой, соловей, а вслѣдъ затѣмъ перешелъ онъ къ Vive Henri quatre. Смотритель обрадовался мнѣ и просилъ увезти этого постояльца, который хозяйничаетъ тутъ уже дней десять, и надоѣлъ ему горче рѣдьки. «А я было—думалъ, что онъ меня подвезетъ», сказалъ я.

— Ну, тамъ ужъ какъ себъ-знаете, отвъчалъ тотъ, махнувъ рукой: только убирайтесь, пожалуйста, отсюда.

Молодой человѣкъ, — лѣтъ ему было однако же подъ-сорокъ, — очень обрадовался товариществу моему, сказалъ-было, что ему надо ѣхать въ Кіевъ, но въ ту

же минуту согласился ѣхать со мною и на Комлевъ, увъряя что это ему все-равно, хотя это было также равно, какъ направо и налѣво, назадъ впередъ, — И приказалъ лошадей, закладывать отмѣннымъ смотритель исполнилъ СЪ удовольствіемъ поспъшностью. И бросиль въ телѣгу легонькій и крошечный чемоданчикъ и, взявъ порожнюю трубку въ зубы, сидълъ уже поджавъ ноги на телъгъ и распѣвалъ оперныя аріи. обстоятельства эти, конечно, должны бы были надоумить меня съ къмъ я связался, но, на-бъду, онъ спросилъ меня тотчасъ же, не говорю ли я по-французски: я, какъ унтеръ-офицеръ, отставной повысить себя въ глазахъ его на чинъ, показавъ образованность свою; и на этомъто лощеномъ языкъ онъ такъ благородно и заманчиво умълъ убъдить меня во всемъ, заставить встръчать всъ желанія предупредительною въжливостью, несмотря какое-то внутреннее на безпокойство, быль не въ силахъ ему въ чемъ-либо отказать, даже показать

недовърчивость. малѣйшую Нѣтъ, порусски онъ бы меня не надулъ; а пофранцузски обморочилъ, зачаровалъ. Это быль такой тертый калачь, какого мнъ въ жизнь мою болъе не случалось видъть: очень смуглое, сухое, но широкое лицо, щетинистый волосъ брови, бакенбарды, огромные огромные прямой, умъренный носъ, ръзкія черты и выразительная игра мышцъ движеній въ лицъ. Когда онъ улыбался искрививъ немного иронически, противоположную насупивъ бровь выглядывая изподлобья, то нельзя было не почувствовать душѣ, не смѣяться ВЪ привязанности и уваженія къ этому нѣмому проявленію ума и остроты. Широкія плеча и молодецкая осанка, какое-то ловкое умѣнье красоваться непринужденно всякомъ положеніи тъла, еще не знаю что, какая-то невидная бездълица, снаровка въ простой дорожной одеждъ его, придавали ему что-то благовидное и укрывали отъ глаза простаго зрителя, не наблюдателя, состояніе крайне изношеннаго скудное

потребоваль, кромъ Смотритель платья. сколько-то прогоновъ, рублей копейками за кое-какіе съъстные припасы, забранные попутчикомъ моимъ у него въ первые дни квартированія: въ послѣдніе же, какъ видно, онъ хлебалъ молоко въ долгъ въ разныхъ крестьянскихъ дворахъ, и три бабы явились у подъъзду со своими требованіями. Попутчикъ мой, не обращая ни малъйшаго кого изъ нихъ вниманія, разговаривая со мною, досталъ свой бумажникъ, вынулъ оттуда маленькую картиночку и, подавая мнѣ ее съ повозки, сказаль всё по-французски: «Воть этоть городъ гдъ я быль такъ счастливъ, l' alma citta di Roma! Я его всегда ношу при себъ. хорошенькихъ охотникъ Если ВЫ до очерковъ перомъ въ три тѣни, въ чемъ я не сомнъваюсь, образованности судя ПО вашей, то возьмите листокъ этотъ себъ: буду. теперь скоро Я самъ тамъ Потрудитесь удовлетворить этихъ скотовъ. «У меня въ бумажникъ однѣ крупныя будетъ ассигнаціи: тутъ конца не разсчетамъ. Сядемъ и поѣдемъ: пора!»

Теперь я поняль все; но попутчикъ мой быль такъ миль и развязень, что поступить нашелся, тутъ какъ иначе, сѣлъ, повхалъ деньги, заплатилъ любезность несмотря на ВСЮ продувнаго разговорчивость товарища своего, твердо рѣшился везти его не далѣе одной станціи. Я и самъ былъ такъ бъденъ деньгами, что не отдалъ бы ихъ въ минуту и доброму человъку, въ нуждъ, а тутъ.... бросить въ воду!

Пріѣхали на станцію. Попутчикъ очень зорко вглядывался въ меня и все болталъ, несмотря молчаливость на мою, закричавъ, чтобъ скорѣе закладывали лошадей, ухватилъ меня съ какимъ-то дружескимъ толчкомъ и урывкой подъруку и повель скорыми шагами ходить. Онъ все болталъ вдругъ, покинувъ меня, И извинился, сказавъ что сію-минуту будетъ, и ушель, повернувь за уголь, за ближній крестьянскій плетень. Я решился: сказаль смотрителю, чтобы онъ въдался съ другимъ проъзжающимъ, который велѣлъ закладывать, а я не поъду на почтовыхъ, и похаживая взадъ и впередъ, ждалъ своего попутчика, для объясненій.

Проходить четверть часа, полчаса; его ньтъ. Иду его искать: ньтъ нигдъ. «Тъмъ лучше! подумалъ я. Какая мнъ нужда объ немъ заботиться?» и пошелъ искать себъ дешевую подводу ИЛИ крестьянинапопутчика; но оно вышло не къ лучшему: товарищъ укралъ у меня ИЗЪ кармана, видно въ то самое время, когда подхватилъ довольно бойко подъ-руку, мой бумажникъ нимъ, пропалъ съ какъ въ провалился, среди бълаго дня. Всъ поиски мои, всъ старанія смотрителя, которому я объщаль награду, остались тщетными; ямщики бъгали по деревнъ, скакали по всъмъ дорогамъ: нътъ его. Онъ, видно, смътилъ уже по лицу моему, что я его далъе везти не намъренъ: и взялъ свои мъры.

Не учиться-стать было мнѣ итти пѣше: я надѣлъ заслуженную солдатскую шинель свою, продалъ смотрителю и содержателю постоялаго двора за безцѣнокъ три четверти пожитковъ своихъ, навьючился остальнымъ

и пошель, отвѣтивъ только смотрителю, который спросиль, указавъ на чемоданчикъ попутчика моего: — А это же что у васъ! — «Это не мое». Вѣроятно, тамъ добра не много. Я даже не оглянулся.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Отъ чемодана, въ которомъ добра не много, до фортепіано съ турецкимъ барабаномъ.

Мой паспорть объ отставкъ послужилъ мнѣ на пути до самаго Комлева вмѣсто бумажника: отставному солдату, который шель на родину, на пяти стахъ верстахъ не отказали въ пищѣ и ночлегѣ ни въ одной деревнъ. Мало того: когда меня захватила на пути ранняя зима, то, къ-ночи и въ непогоду, мужики не выпускали меня изъ гдъ-нибудь, свалишься «Тамъ говорили они, да замерзнешь, выпивъ на дорогу: а послъ за тебя отвъчай! Ложись, служивый, да отдохни, сдълай милость. накормимъ отвеземъ И нарядимъ подводу: только бы невредима

выпроводить изъ околотка. Мы и то теперь еще не охлебаемся съ третьяго году, какъ, спасибо, сосъды Черепановскіе подкинули на нашу межу какое-то мертвое тъло: тутъ ВЪ рабочую приставили изъ села карауль, ровно добро какое стеречи, держали недѣли три; ТУТЪ весь вы вхаль, и стали по квартирамь, и корми ихъ курицами; тутъ заковали того, пашня на межъ, гдъ нашли покойника, да и всъхъ по-очереди перещупали, у кого была гумнъ. запасная скирда на Α покойникъ этотъ ужъ имъ больно знакомъ! Его исправникъ изъ того уѣзда, ровно въ подарокъ, нашему прислалъ: перетащилъ черезъ границу, взявши тамъ что пришлось съ мужиковъ; да вотъ съ веревкой на шеѣ, таки-покуда не разсыпался весь, и ходилъ все съ межи на межу. Ужъ мы, братъ, сдѣлай Такъ наплакались тогда. сиди, милость, служивый, и не пустимъ до утра, хоть какъ хочешь!»

Добрался я до Комлева. Отлегло мнъ вдругъ, отошло отъ сердца: ровно кладъ какой дался. А не все ли мнъ равно тогда

было, что Комлевъ, что Тамбовъ, Ирбитъ? Чужой всюду! Случай однако же послужиль мнь, не только отъискать первый же день домишко, въ которомъ я НО родился, и поселиться ВЪ добрыхъ, забавныхъ **RTOX** очень странныхъ людей, и пожить съ полгода спокойно. Безъ гроша нельзя было итти въ столицу, а въ Комлевъ нашелъ я вскоръ учениковъ и сталъ учить всему на свътъ. такой хлѣбъ! Горекъ да дѣлать рублей двѣсти, нечего: за очисткой расходовъ, надо было заработать.

Хозяинъ мой былъ также учитель, музыкантъ, разумъется единственный въ городѣ, какъ учитель и какъ бальный оркестръ. Голосу у него не было: онъ говорилъ осиплымъ ШОПОТОМЪ разсказывалъ каждый день по нѣскольку разъ, что онъ голосъ потерялъ на пожарѣ; но зато играль онъ на всъхъ инструментахъ въ мірѣ, не только по-одиначкѣ и порознь, всъхъ вдругъ. На вечеринки на являлся онъ, за цълковый, обвъшанный съ головы цѣлымъ оркестромъ ДΟ НОГЪ

игралъ всю ночь на-пролетъ. Когда онъ однажды дома упражнялся на девяти инструментахъ вдругъ, перенявъ какого-то проъзжаго фигляра, то сдълался пожаръ: домъ вдругъ обхватило пламенемъ; дотого испугался, музыкантъ выскочилъ улицу СЪ на девятью пристегнутыми и привязанными въ разныхъ мъстахъ тъла инструментами и бъгалъ съ этой музыкой по улицъ и не могъ долго отъ нея отвязаться: бубны гремять, тулумбась за спиной стучить, потому что къ локтю привязана палка, тарелки между колѣнъ словомъ, брянчатъ; тревога страшная. Растерявъ по улицамъ всѣ инструменты свои, онъ надсъдался два часа крикомъ на пожарѣ; былъ нѣсколько разъ окаченъ съ ногъ до головы водой, сильно простудился поры остался безъ съ ТОЙ Человъкъ этотъ былъ, казалось, природою музыканты: назначенъ ВЪ НОГИ флейты, губы какъ раструбъ кларнета, руки ровно смычки, a самъ настоящій віолончель; притомъ щеголь: коли ВЪ праздникъ уберется, надънетъ жилетку съ

стеклянными разводами И пуговками, голубой фракъ откинетъ, настоящій, растегай, до которыхъ онъ былъ страстный охотникъ! Онъ всюду слышалъ и музыку: зазвенитъ ЛИ стаканъ, серебряная брякнетъ ЛИ ложка, откликается изъ третьей комнаты октавой; наизустъ звукъ всей домашней посуды своей по камертону, и жаловался мнъ однажды, что у него одна кастрюля фальшивить, если не долить ее водой до мътки, которую онъ нарочно ВЪ сдълалъ. Коли вечеромъ дъвки изъ-дали поють, а жуки пролетомъ гудять, то онъ сидя на крылечкъ, подбираетъ къ голосамъ басы жуковъ; коли дѣвокъ на плотники рубять избу и звонкій стальной звенитъ, Сидоръ Еремеичъ топоръ откликается на скрипкъ или гитаръ квинтой и квартой. Онъ, несмотря на безголосность свою, быль большой говорунь, большой знатокъ и рядитель музыки, и замѣтилъ однажды, когда я разъигралъ ему кое-что изъ тогдашнихъ новыхъ оперъ Россини, что онъ это знаетъ, это хорошо, но это все

выкрадено изъ гвардейскихъ маршей: Россини все такъ дѣлаетъ. «Немножко онъ правъ», подумалъ я.

Хозяйка моя, супруга музыканта, мастерски пекла растегаи, гладила каждый день манишку супруга своего и готовила на вечеръ бълый шейный платокъ, пила чай изъ даровой чашки, съ надписью золотомъ: Въ знакъ великодушія, и охотнъе всего разсказывала исторіи бользней разныхъ знакомыхъ своихъ, въ родъ слъдующей: батюшка, ослѣпла на глазочекъ, окривѣла... такъ... ни съ чего. Прикинулся ячмень. Она И говоритъ бабамъ: «Бабы, покажите мнъ кукишъ». Бабы показали кукишъ, тутъ a стало окривѣла. застилать туманомъ, И слушаются добрыхъ людей, батюшка: отъ того и худо бываетъ. Вотъ хоть бы у сосъдки нашей, ребенокъ пошелъ-было до году и сталъ ходить; говорили люди, что путы было переръзать, какъ только пошелъ онъ въ первый разъ: * такъ нътъ! ну, и сълъ опять, и ползаеть до трехъ годовъ».

^{*} í Ó ÂÒÚ,, ~ ÍÌÛÚ, Ì ÓĒÓÏ ' ÔÓ ÁÂÏÎ' ÏÂʉÛ ÌÓ"'.

Добродушный Сидоръ Еремеичъ, хозяинъ мой, нетолько не ревновалъ ко ВЪ сопернику промыслѣ мнъ, какъ КЪ своемъ, но, съ истиннымъ безкорыстіемъ художника, доставилъ мнѣ тутъ и тамъ случай давать уроки и посылалъ иногда или бралъ себя вмѣсто собою съ дѣлилъ вечеринки, $\mathbf{co}$ мной цълковый. Цъна была на это въ Комлевъ искони одна, и болъе никто не жаловалъ, хоть прійди одинь, хоть самь-сёмь. Сидорь Еремеичъ ихъ избаловалъ, отвъчая одинъ за семерыхъ.

Въ Комлевъ стояла пъхота и былъ баталіонный штабъ. помѣшишѣ Одной понадобилось показать холостымъ офицерамъ, какъ мило поетъ у ней дочь. Для этого тотчасъ же составили концертъ пользу бѣдныхъ, и всъ ученики и ученицы Сидора Еремеича и мои напъвали, надували, насвистывали и наигрывали тутъ гораздъ. Меня пригласили BO что кто сопровождать пъвицу на фортепіано. Пробы одномъ фортепіано, а къ дѣлались на концерту принесли другое, незнакомое мнъ

дотоль, съ музыкой Сидора Еремеича, то есть, съ фаготами, кларнетами, свистками, словомъ, съ цѣлымъ оркестромъ, и даже съ турецкимъ барабаномъ. Извъстно, что все это приводится въ движеніе во время игры особымъ педалемъ. R полагалъ, разсмотрѣвъ напередъ фортепіано, что педаль внизу обыкновенный; пожалъ его во время концерта на самомъ великолъпномъ аріи, мъстъ которой переливалась ВЪ сладкозвучная пъвица: и адскій шумъ всъхъ звуковъ, возможныхъ на-разладъ стукомъ турецкаго барабана, громовымъ испуганное ухо мое! Пъвица огорошилъ обомлѣла; слушатели не сначала вздрогнули; потомъ поднялся хохотъ, этотъ несчастный случай едва не лишилъ меня всъхъ учениковъ и ученицъ: пъвицы по-крайней-мъръ прилагала КЪ стараніе и TOMY оставалась до конца непримиримымъ моимъ врагомъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Отъ фортепіано съ турецкимъ барабаномъ до кочерги и щетки.

Зима прошла; я свелъ счеты свои, и убъдился, что хотя и преподавалъ Комлевъ усердно всъ искусства и науки, но нескоро заработаю себъ кормовыя деньги на первые полгода столичной жизни. Мнъ казалось выгоднъе побыть съ какого-нибудь помъщика, на всемъ готовомъ: тогда жалованье, хоть оно и не велико, можно бъ было сберечь почти все. Сидоръ Еремеичъ помогъ мнѣ и въ этомъ: помъщикъ трехъ сотъ душъ, – не шутка! – Василій Ивановичъ Порубовъ, взялъ меня, на мѣсто прогнаннаго имъ Нѣмца, въ домъ, за четыреста рублей въ годъ, на всемъ готовомъ. Я крайне обрадовался: въ годъ заработаю четыреста рублей и съ пойду въ Питеръ!

Василій Ивановичъ жилъ въ деревнѣ, верстахъ въ пятнадцати отъ Комлева. Онъ былъ давно уже вдовъ, и радѣлъ о воспитаніи дочери и сына: ей двѣнадцать,

ему пятнадцать лътъ. Василій Ивановичъ молодости въ служилъ ВЪ гражданской службъ. пришелъ однажды Онъ начальнику своему съ горькой жалобой на судьбу свою, которая не даеть ему ходу, не жалуетъ НИ какихъ отличій: Ивановичъ просилъ униженно **УВАЖИТЬ** просьбу его и представить къ повышенію, какой-либо наградъ. Начальникъ посмотрълъ на него какъ-то чудно, спросиль сухо: «Развѣ вы думаете, что довольно жить и быть здоровымъ, для того награды?» чтобы получать Василій Ивановичъ согласился безпрекословно, что, случайностей, необходима кромѣ этихъ милость начальства, безъ пуще всего которой-де трудно заслужить что-нибудь. захохоталъ Начальникъ И сказалъ: «Правда, Василій Ивановичъ, правда! Порубовъ Прощайте же!» поклонился, вышель, въ твердой надеждь, что его скоро за отличіе; хвалился представятъ товарищамъ, начальство что КЪ нему милостиво и объщало его повысить; прождавъ нѣсколько времени, и выждавъ

только награжденіе двухъ младшихъ по чину сослуживцевъ, разсердился, вышелъ въ отставку, и утѣшился тѣмъ что выхлопоталъ себѣ при отставкѣ слѣдующій чинъ.

Когда я прибыль къ Василью Ивановичу въ усадьбу, то встрътилъ его въ воротахъ барскаго дому въ слѣдующемъ поѣздѣ: на высокій каретный ходъ, еще, вмъсто временъ, рессоръ, когда употреблялись одни ремни съ зубчатыми колесиками, были поставлены, вмѣсто легкости, каретнаго кузова, ободранныя большія кресла, и на нихъ сидълъ баринъ; на высокихъ козлахъ сидълъ малый, а позади ходу привязана была большая деревянная лошадь, поставленная на колеса; на этой лошади сидълъ пятнадцати-лътній Митенька, мой будущій ученикъ, И погонялъ плетью деревяннаго коня своего, между-тьмъ какъ тятенька его очень снисходительно со мною объщавъ разговаривали, И воротиться, просили войти въ домъ. Василій образомъ Ивановичъ **ѣздилъ** такимъ

каждый день съ сынкомъ покататься объъзжалъ всъ межи свои, всъ межевые столбы и ямы. Вошедши въ домъ, откуда Ивановича сейчасъ выпроводили и, какъ видно было, въ эту минуту никого не ожидали, я встрътилъ въ первой комнать еще поъздъ, другаго, не менъе страннаго, роду: барышня каталась, верхомъ же, на тучной здоровой дъвкъ, ужаснымъ которая, хохотомъ СЪ крикомъ, прыгала курцъ-галопомъ взадъ и между-тѣмъ какъ впередъ, цѣлая стая ребятишекъ дввокъ, дворовыхъ И окружавшая потъшное зрълище это, съ такимъ же неистовымъ крикомъ, скачками обѣихъ рукъ изъявляла взмахами свое удовольствіе. Когда душевное повздъ большою вошелъ, СЪ TO поспъшностью удалился, холопы стали по угламъ и грызли ногти, а дъвка подошла мнъ, удерживаясь наконецъ ко силами отъ смѣху, и сказала: «Барина дома Hbty-cb». — Это я вижу, отвѣчалъ Дъвка отвернулась, побъжала, разсыпалась неподдѣльнымъ, ПУТИ заливнымъ на

хохотомъ, на который и холопы и дъвки, и вся дворня, единодушно со всъхъ угловъ и закоулковъ отозвались тъмъ же, и весь барскій домъ огласился дружнымъ, половины замореннымъ, хохотомъ. Я сталъ оглядываться: хохотуши всѣхъ родовъ сидѣли прижавшись величинъ стояли И дверьми, за шкафами, подъ столами, **3a** ширмами, словомъ, гдѣ только свободный уголокъ.

Часа черезъ полтора Василій Ивановичъ воротился, принялъ меня очень милостиво и радушно, кончилъ напередъ всего со мною рядъ и уговоръ, представилъ мнѣ обоихъ учениковъ моихъ и разсказалъ, прогналъ своего Француза: онъ по-немногу завелъ въ домѣ галантерейную и мелочную лавочку, которую и возиль съ собою въ городъ, когда на-зиму вся семья туда перебиралась, образовалъ И изъ пребойкихъ воспитанниковъ своихъ И изворотливыхъ сидъльцевъ.

Василій Ивановичь быль человѣкъ очень веселаго нраву. Вечеромъ къ нему съѣхались человѣка три близкихъ сосѣдей,

и вышедшій нынче вовсе изъ моды пуншъ находилъ тутъ еще своихъ потребителей. много крику и смѣху; никто хотъль върить, чтобы отставной служивый, пуншу, тогда не пилъ Я. Митенька выпиваль всегда стакань свой съ удовольствіемъ. Двое изъ гостей мелкопомъстные: ПО поводу ЭТОМУ споры, шутки перекоры. завязались И Василій Ивановичъ торжествоваль: онъ не упустилъ случаю разсказать любимую остроту свою, конечно, не собственнаго изобрътенія, здѣшніе дворяне что раздѣляются три разряда, на великодушныхъ, у коихъ болѣе ста душъ и которые, слъдовательно, имъютъ полный голосъ на выборахъ; на малодушныхъ, у коихъ менъе ста; и на бездушныхъ, у коихъ нътъ ничего. Одинъ изъ малодушныхъ гостей принималь невыгодныя отношенія очень къ сердцу и грозилъ свои вечеръ, перекричать стараясь собесъдниковъ своихъ, что скоро, очень скоро, прикупить къ своимъ тридцати семи душамъ еще шестьдесятъ три, и тогда у него будеть сотня сполна, и онъ будеть участвовать въ выборахъ, и уже дастъ себя знать: тогда избираться будутъ во всѣ мѣста и должности одни только достойные.

другое утро Василій Ивановичъ занялся хозяйствомъ: онъ велѣлъ подать и отмърять при себъ двадцать аршинъ домотканой полосушки, собственно себъ на халать; совътовался со мною, нельзя ли пъвчихъ, намъ завести своихъ спрашивалъ, не умѣю ли я лечить собакъ; приказалъ отправить въ городъ, извъстному птицелову Три-Ивану четверть крупъ и мърку коноплянаго съмени, которые вымѣнялъ у него перепела щегленка; позвалъ Ваньку и требовалъ отчету, длячего онъ вчера былъ пьянъ, и когда Ванька повинился, оправдавшись тъмъ что ему надо было побить жену и что онъ нарочно для этого только и выпилъ немного, то Василій Ивановичъ обратился Сидоркѣ, вопросомъ къ чего ли рѣшится смотритъ и скоро поучить также не много жену свою, которая ни сколько не лучше Ванькиной. Наконецъ

распорядившись такимъ образомъ дома, и порядокъ, Василій ВЪ **BCe** Ивановичъ поъхалъ опять СЪ сынкомъ прокатиться, на межу, ВЪ тъхъ дъдовскихъ креслахъ на каретномъ ходу, и подтвердилъ только, чтобы Митину лошадь привязали сзади по-крѣпче, потому что она вчера на ухабъ оторвалась и Митя осталсясереди дороги верхомъ конъ деревянномъ своемъ докричался отца, который, какъ и кучеръ, не слышали крику его за стукомъ экипажа.

образомъ я Такимъ опять съ-утра остался въ домѣ съ тѣмъ же обществомъ, простодушно которое вчера такъ веселилось во время отсутствія барина; и какъ я, чтобы не мѣшать, удалился въ свою меня уже комнату, а притомъ своимъ и не такъ передъ мною чинились, то вскоръ и раздался по цълому дому смъхъ, визгъ и топотня босыхъ дъвокъ, и я изъдали могъ отличать знакомую мнѣ поступь барышниной лошадки.

Въ своемъ покойчикъ нашелъ я еще памятникъ Француза: всъ стъны были

исписаны, вфроятно, по недостатку или для сбереженія бумаги, счетами купленныхъ и проданныхъ вещицъ, колецъ, серегъ, пуговокъ, пряжекъ, шелку, иголъ, Вечеромъ, прівхали прочая. опять собесъдники и пили пуншъ, и Степанъ Степановичь опять кричаль громче всъхъ и грозилъ, что скоро, очень скоро, прикупитъ онъ шестьдесять три души къ тридцати семи и тогда объ немъ услышатъ: до того времени, онъ молчитъ.

На третій день, опять то же: вся разница была та, что Василій Ивановичъ, послъ дѣловаго коротенькаго утра своего. пригласилъ меня ѣхать съ нимъ на межу, осѣдлать приказавъ мнѣ коня, деревяннаго, а живаго. Тутъ я увидѣлъ, чъмъ Василій Ивановичъ занимается на этихъ ежедневныхъ прогулкахъ своихъ: онъ объѣзжаетъ день каждый по-очередно участокъ межи своей; лошади, затвердивъ этоть наизусть, останавливаются у каждой межевой ямы, у каждаго столба; Василій Ивановичъ выходитъ, осматриваетъ, любуется и ъдетъ дальше, а потомъ домой. Онъ разсказалъ мнѣ годъ, число и обстоятельства, когда которая межа проведена и столбъ поставленъ, указывалъ всѣ урочища, по коимъ у него и предковъ его бывали тяжбы, излагая начало, ходъ и конецъ ихъ во всей подробности. Частію побъдитель, И частію побъжденный, a Василій Ивановичъ оградился наконецъ, послѣ многолѣтнихъ и убыточныхъ тяжбъ, кругомъ и со всѣхъ сторонъ межевыми знаками, и съ этихъ-то поръ, уже лѣтъ нарадоваться девять, не можетъ налюбоваться **ѣздитъ** ежедневно ими И зрѣніе услаждать душу свою. ИМИ И Вокругъ всей межи проложена была торная обратномъ Ha пути, оторвалась Митина лошадка; онъ на-силу насъ докричался, заставилъ кучера тащить себя съ полверсты къ рыдвану и стегалъ его TO, худо привязываетъ плетью **3a** что лошадку его. Василій Ивановичъ успокоилъ однако жъ сынка, сказавъ: «Душа моя, Митенька, твоя лошадка бъсится: она и оторвалась». И Митя расхохотался и былъ доволенъ. Когда воротились МЫ

домой къ объду и вошли въ покои, то пыль столбомъ и разгоръвшіяся лица барышни и дъвокъ показывали, что онъ и сегоднишнее утро, пользуясь отсутствіемъ барина, провели въ тъхъ же пріятныхъ занятіяхъ.

Вечеромъ на половинъ Василья Ивановича по-старому: ШЛО **BCe** собесъдники и пуншъ явились въ урочный часъ. Но въ дътской произошла небольшая прежнихъ перемѣна противъ Митенькъ здъсь нельзя было **ѣздить** на деревянной лошадкъ своей, привязанной къ каретному ходу, ни Върочкъ также своей; поэтому они, какъ охотники ДО ъзды, выдумали ъздить по комнатъ другъ къ другу въ гости. Прівхала Вврочка къ Митенькъ, на стулъ; онъ принялъ привътливо, освъдомился, по настоянію толстой няни, о здоровь супруга гостьи своей и объщаль къ ней быть съ женой. Она уъхала, а онъ ъдетъ къ ней верхомъ на щеткъ и погоняетъ кочергой: послъдняя – жена его. Но Върочка не хочетъ признать ее родней, говоритъ, что это не жена, а кочерга. обидъвшись Митенька,

невѣжливымъ пріемомъ сестры, которая никакъ не хотѣла поцѣловаться съ женой его, ткнулъ сестру наконецъ кочергой възубы и вышибъ ей *оныхъ* два.

исключеніемъ такихъ, довольно ръдкихъ, особенныхъ случаевъ, все шло обычнымъ день-за-день своимъ порядкомъ. Французъ выучилъ малютокъ Василья Ивановича французской азбукъ; къ русской у нихъ не было охоты, и годъ остановились прошелъ, когда МЫ раздорожицѣ, Василій на мыслете. Ивановичь просиль меня всегда только объ одномъ, – не торопить и не принуждать дътей, итти исподволь, по-тихоньку. По окончаніи года, мнъ плата выдана была сполна, и мы разстались съ Порубовымъ дружески, оставшись по-видимому другъ другомъ довольны.

На прощань в Митенька разсказаль мнв, передразнивая голосомъ крикъ животныхъ, о которыхъ говорилъ, прибасенку: жукъ летитъ и говоритъ, убъю! — гусь спрашиваетъ, каво? теленокъ отвъчаетъ

меня; а утка поддакнула такъ, такъ, такъ; а коза, подслушавъ, засмѣялась me-e-e!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Отъ кочерги и щетки до метлы съ фонаремъ.

Прівзжаю къ Сидору Еремеичу, чтобы снарядиться въ путь, къ окончательной цъли своей, въ столицу. Хотя я и видался съ нимъ неръдко, но онъ обрадовался мнъ до крайности, объщалъ нынъ же къ объду растегаи и аккуратное пивцо, разсказалъ, что голосъ его все-еще не поправляется, мнѣ вновь составленное показалъ полное собраніе русскихъ музыкальныхъ инструментовъ, балалайку, гудокъ, рожокъ; поиграль на каждомь немного, замътиль, что и гусли его и торбанъ принадлежатъ писалъ, сюда же И что онъ Три-Ивана, на Украйну, птицелова просиль убъдительно прислать при первой возможности рыле, СЪ которою слѣпцы поютъ думы свои. Супруга только-было начала разсказывать,

засъдатель, неосторожно подгулявши, пошель плясать въ неприличный часъ и что то скорчило засъдателя **3a** ≪таки вотъ такъ».... и присѣла, словно сама хотѣла присядку, вдругъ проплясать ВЪ двери входитъ Иванъ растворяются И самъ Ивановичъ.

почтенный Нѣмецъ, который Олинъ жилъ уже давненько въ Комлевъ, никогда и никакъ не хотълъ върить, чтобы человъка, который къ намъ теперь вошелъ, звали Иваномъ Ивановичемъ Ивановымъ. Нѣмецъ «Одинъ говорилъ, покачавъ головой: Иванъ, это должно; два Иванъ, это можно; три Иванъ, никакъ не возможно!» несмотря на всѣ убѣжденія, считалъ это шуткой и ничего болъе не слушалъ. Вотъ почему Ивана Ивановича Иванова звали въ Три-Ивана. Комлевъ Полъ прозваніемъ быль онъ извъстенъ цълому городу. Это быль отставной и холостой чиновникъ, лътъ пятидесяти, который уже годовъ пятнадцать занимался только двумя промыслами, мирилъ тяжущихся и ловилъ птицъ. былъ пъвчихъ Самъ онъ

миролюбивъйшій человъкъ мірѣ, ВЪ мирилъ другихъ какъ внутреннему ПО побужденію своему, такъ и для выслуги по аннинскаго креста: еще доставало ДЛЯ ЭТОГО только мировыхъ, изъ коихъ одну онъ имѣлъ уже въ виду. Пожелаемъ ему отъ души креста, который старика по-видимому утъшитъ. Право, онъ его заслужилъ. Если бы у насъ, хоть на десять ябедниковъ, былъ всюду одинъ такой примиритель!

Три-Ивана былъ птицеловъ, голубятникъ и рыбакъ, и все это въ такой степени, до которой только можетъ какая-нибудь развиться страсть Добродушное, человъческая. округлое, рябоватое лицо его сіяло какъ воскресное солнышко, когда онъ заговаривалъ своемъ предметѣ; а какъ онъ никогда и ни о чемъ другомъ не говорилъ, то и постоянно весель и доволень. Остренькій носикъ, нъсколько похожій на птичій, и каріе маленькіе глазки, настоящіе огневики, лучезарное болѣе оживляли еще благополучіемъ коротенькомъ лицо на

туловищѣ въ темно-зеленомъ сюртукѣ, съ закинутыми на спину или опущенными въ карманы руками: иначе Ивановичъ не ходилъ. Кожаный картузъ надъвался рѣдко на лысину, большею частію носился подъ мышкой, потому что въчно быль набить разными птицеловными снарядами ИЛИ живыми птичками, которыя у него не улетали даже картуза: такъ онъ умѣлъ ладить; наконецъ, или, червями, рубленнымъ мясомъ, для наживки удочки. Въ этомъ видъ ходилъ Иванъ Ивановичъ, и притомъ въчно присвистывалъ сквозь зубы, манилъ чижа, щегла, снъгиря или чечотку.

Три-Ивана жилъ своей, ВЪ опрятной избушкъ, построенной всего на двухъ и двухъ съ половиной саженяхъ; на конькъ поставлены шесты съ въниками, и на нихъ повъшены цапки или западочки; по забору, угламъ также на шестахъ, скворечницы; весь дворикъ представляетъ родъ садика, въ которомъ большая часть небольшихъ деревьевъ подложныя, воткнутые сучья, обвязанные и обвъшанные

пучками разныхъ травъ и кустиковъ, для Посерединъ – приманки птицъ. бесъдки, которой ведеть узенькій, КЪ низкій крытый ходъ прямо изъ дому, а по стороны бесѣдки лучокъ тайничокъ, сътки, которыми ловятъ птицъ снуры которыхъ проведены Весь заборъ бесъдку. былъ кругомъ утыканъ въниками и метлами, волчцомъ и коноплями, повсюду разставлены И силочки. Домъ и дворъ Ивана Ивановича быль для птичекъ очарованный замокъ, изъ котораго, если онъ только подлетали, имъ улетать не удавалось. Иванъ Ивановичъ мастерски дразниль и подзываль всъхъ безъ изъятія пъвчихъ птицъ, гонялся иногда за какимъ-нибудь щегленкомъ, котораго признавалъ изъ-дали шестерикомъ осьмерикомъ*, по цѣлому городу, лысый, карманахъ сюртука, безъ И руки ВЪ картуза, и все насвистываль, и приводильтаки щегла наконецъ къ себъ на дворъ и подманивалъ подъ лучокъ. Домъ снутри и былъ рѣшительно снаружи покрытъ

^{*} è0 ~Ë0ÎÛ · "Î ° ı · OflÚÌ ° ~ÅÍ · ̇ ı ,Ó0Ú · , OÓ0ÚÓFI ˇ Ëı · , OÓ DÎÓ,‡Ï · Á̇ÚÓÍÓ, · , , · Ú · OÌÓÈ D, FIÁE D · "OÎÓDÓÏ · ~Å"·.

клътками всъхъ родовъ и величинъ, работы самого Ивана Ивановича. Вы могли у него купить и промънять на что угодно, уговору, любую пъвчую птичку, кромъ чернаго жаворонка, котораго держалъ онъ какъ привозную рѣдкость и берегъ пуще глазу: ему не было цѣны. На двухъ концахъ двора стояли двъ голубятни: водились чистые, въ другой вертуны, турманы. Избави Богъ, если одному изъ вздумалось тѣхъ другихъ или на другую голубятню! Триперелетъть Ивана бросался, завидъвъ такой соблазнъ, бъшеный, прямо какъ изъ окна хворостиной на дворъ, всъхъ загонялъ голубей по-мъстамъ, и на цълыя сутки запиралъ голубятни. Это дълалось, чтобы породы отнюдь не перемѣшались. Зато, какіе были у Ивана Ивановича голуби! До него, черные, черноплекіе, черногривые и вертуны не водились чернопѣгіе върьте мнъ, ни y Россіи кого ВЪ водились! Онъ ихъ развелъ ВЪ своемъ заводъ, на своей голубятнъ, и отъ него уже они разошлись, и теперь, конечно, не въ

рѣдкость. Онъ завозилъ голубей своихъ за сотни верстъ; даже любимая шутка его подарить пріѣзжему была охотнику голубка, показавъ напередъ, каково онъ ходить, и потомъ отъ души насмъяться легковърному, который увозилъ голубя съ большими хлопотами домой, и только и видълъ его, покуда держалъ въ-заперти: какъ выпустишь, такъ и пошелъ прямымъ путемъ домой, въ Комлевъ, къ Ивановичу! Три-Ивана Иногда распродаваль охотникамь всю голубятню свою и бралъ за пару рубля по два, по три, и болъе: черезъ двъ три недъли, опять всъ Охотники, бывало, похаживають вкругь очарованнаго забору Ивана Ивановича, да поглядываютъ: взять нечего. Зато, какъ берегъ ихъ Иванъ Ивановичъ! какъ холилъ! какъ ухаживалъ за бъднякомъ, когда иной завертится и убьется! А гоняетъ: безъ того нельзя. Для чего же ихъ держать! Но посмотрѣли бъ вы, когда Три-Ивана взгонить чистыхъ Тогда своихъ! отправляется онъ обыкновенно на вышку свою, на бесъдку,

кровлѣ, всегда стоялъ на y него мѣдный тазъ свѣтлый водой: СЪ онъ чистился постоянно по два раза въ недѣлю, середамъ и по субботамъ. Тамъ-то стоитъ Иванъ Ивановичъ превыше суетъ мірскихъ и глядитъ, не вверхъ, гдѣ голуби летаютъ, а внизъ, въ воду, въ тазъ, видитъ все, видитъ какъ они ходятъ на И кругахъ выше да выше, все дълаютъ все меньше да меньше. Изръдка только, глядя въ магическое зеркало свое, покрикиваетъ «Врешь! онъ: сбился!» когда голубь выходить изъ круга; но черезъ минуту все опять было порядкъ. Если же случалось, что какойизъ голубей, несмотря нибудь благородство крови своей и приличное образованіе воспитаніе и данное ему семью, безобразилъ выходилъ не ВЪ голубятню, поведеніемъ всю своимъ посрамлялъ хозяина, товарищей И напримъръ, козырялъ, хлопалъ крыльями на-лету, рыскалъ, садился на чужія Три-Ивана кровли, съѣдалъ TO его преспокойно на другой же день въ бъломъ

Верхъ торжества ДЛЯ Ивана было, когда Ивановича онъ успѣвалъ сманить и загнать чужаго голубя. Но онъ никогда не позволяль себъ при этомъ неблагопристойностей, какихъ-нибудь другіе голубятники, низостей, какъ напримъръ, ловить голубей въ силки или тому подобное: нътъ, онъ дъйствовалъ всегда на чистоту, хоть самъ хозяинъ тутъ стой; подпускаль своихъ, осаживаль ихъ исподволь, опять подганиваль, если нужно, а какъ-скоро только сълъ пріятель, то уже рукахъ: Три-Ивана все-равно что ВЪ заганивалъ его прутомъ вмъстъ со своими въ голубятню, и тотъ уже не смълъ улетъть, словно невидимая сила его приковала: Ho враги Ивана слушается И идетъ. Ивановича, на которыхъ онъ былъ золъ и могъ очень сердиться, это были хорьки, ястреба, и, въ-особенности, кошки. «Я лучше дамъ себя укусить бъщеной собакъ, чѣмъ говаривалъ онъ: кошкѣ позволю перелѣзть по моей крышѣ». И онъ, въ пятнадцать льть, успьль убъдить жителей Комлева въ непозволительности

держать въ городъ кошекъ или успълъ перебить всъхъ ихъ, не знаю, но только въ Комлевъ давно уже кошки перевелись: не было ни одной. Пожалуйтесь на крысъ и мышей, и Три-Ивана сію-минуту задаритъ васъ мышеловками своей работы: только не держите, не разводите кошекъ. При всемъ миролюбіи его, у него неограниченномъ бывали ссоры и тяжбы съ сосъдями за кошекъ: онъ настоятельно требовалъ, чтобы полиція запретила держать ихъ, подводя звърей, хищныхъ подъ статью которыхъ пунктомъ такимъ-то держать въ городахъ запрещено. Не успъвъ этомъ дълъ путемъ правосудія, успъвалъ убъжденія путемъ немъ ВЪ самовластія: биль кошекь всюду, гдѣ онѣ ему попадались, ловилъ ихъ въ капканы, платилъ мальчишкамъ за каждую убитую ими кошку, и усовъщевалъ жителей при каждомъ удобномъ случав не держать этой подлой твари, которая бываетъ причиною всякаго зла на свътъ, лихорадки, сухотки, прочая. Если ястребъ, родимца, и же коршунъ или сорокопудъ попадались

Три-Ивану, нашему TO руки онъ, добродушнѣйшій человѣкъ въ мірѣ, не довольствовался простою смертью хищника, а казнилъ его на маленькомъ лобномъ мъстъ и долго мучилъ и терзалъ разными напередъ поучительными СЪ наставленіями.

Весною и осенью Три-Ивана ловилъ пъвчихъ пролетныхъ птицъ, какъ у себя дома, такъ и въ близкихъ рощахъ, куда уходилъ съ зарею на цѣлый день, со всѣми необходимыми снарядами; лътомъ ловилъ перепеловъ, накрывалъ жаворонковъ кромѣ-того, рыбачилъ на удочку, чѣмъ занимался и втеченіи цълой зимы. И это дъло, какъ извъстно, мастера боится: никто не умълъ сдълать крючокъ, вылить въ мълъ кирпичъ грузильцо, и или въ пригнать поплавокъ такъ, какъ Три-Ивана; ни у кого рыба не клевала какъ у него, И разсказывалъ вамъ подробно, сколько въ которомъ изъ ериковъ и озеръ какой рыбы счетомъ; говарилъ объ ней какъ о дворовой птицъ, какъ-будто всъ подгородныя воды составляють собственность его или сняты

имъ на откупъ, и онъ всю рыбу бережетъ для себя одного. Часто слышали мы отъ него жалобу въ родъ слъдующей: «Плутъ этотъ, кривой Мишка, вытащилъ у меня изъ Грачева Озера тринадцать окуней. Что съ нимъ будешь дълать! Пусть ъстъ на здоровье! Однако, видно, еще сотни съ полторы крупныхъ осталось».

молодости Ивановича Ивана разсказывали въ Комлевъ два анекдота, не выдуманныхъ или истинныхъ. Говорятъ, что онъ, будучи въ то время еще страстнымъ охотникомъ до ружья и собакъ (охоту эту Три-Ивана впослъдствіи однако же бросилъ вовсе), просился изъ губерніи, гдъ служиль, въ южныя губерніи Россіи, потому только, что тамъ лучше охотиться; и, второе, что Ивана Ивановича въ молодости, – еще въ чинъ губернскаго регистратора провинціальнаго ИЛИ секретаря, — не помню, чиновъ, о которыхъ нынъ уже почти не слыхать, - товарищи завели ночью въ овинъ, воробьевъ бить, взяли по метлъ, а ему дали въ руки фонарь, приперли ворота и, вмъсто воробьевъ, его

же бѣднаго самого гоняли по овину изъ угла въ уголъ метлами.

ГЛАВА ДВЪНАДЦАТАЯ.

Отъ метлы съ фонаремъ и до самаго полковника и дальше.

Какъ бы то ни было, а Три-Ивана пріятелю своему Сидору къ вошелъ Еремеичу, придерживая осторожно подъмышкой картузъ, поздоровался, подошелъ къ ручкъ супруги хозяина, опять запустилъ руки въ задніе карманы, повертывался на каблукахъ, разсказывалъ съ восхищеніемъ, онъ казнилъ сегодня сорокопуда, который быль дотого дерзокъ, что хотълъ синичку изъ клътки. Сидоръ вытащить Еремеичъ приказалъ подать ДЛЯ двухъ гостей своихъ самоваръ; хозяйка подчивала и угощала насъ усердно и, когда Иванъ Ивановичъ, человѣкъ въжливый, какъ привсталъ съ мъста и просилъ, чтобы она выкушать изволила чашечку, «Благодарю покорно; отвъчала: посудинку выдержала,

испродовольствовалась». Сдѣлавъ должное, успокоивъ такимъ образомъ совъсть свою, Три-Ивана обратился ко мнѣ заговорилъ со мной какимъ-то горестнымъ, сострадательнымъ родомъ, жалѣя собользнуя о горькой участи моей и утьшая меня тъмъ, что Богъ не безъ милости. Я отвъчалъ ему, что, слава Богу, кончилъ дъла свои хорошо и теперь ъду въ Питеръ, куда такъ давно порывался. «Какъ, ѣдете? спросиль онъ: да въдь у насъ наборъ?» – нужда до набору? — Какая мнѣ σж «Помилуйте! да въдь васъ общество наше, мѣщане, отдаютъ въ рекруты: они тамъ высчитали, что очередь за вами!»

Три-Ивана не обманулъ меня: общество посылало уже усадьбу за мною ВЪ Порубова и, не заставъ меня тамъ, въ тотъ же вечеръ отъискало въ домѣ Сидора Еремеича и отправило съ отдатчиками въ губернскій городъ. Я, отъ нечаянности этого происшествія, такъ обезумъль, что опомнился только въ губернскомъ городъ, уже письмо примирителя и гдв засталь птицелова, которомъ онъ, ВЪ какъ

законникъ, изъявлялъ сильное сомнѣніе, въ правѣ ли общество отдать меня какъ отставнаго унтеръ-офицера снова на службу, и совѣтывалъ объявить объ этомъ подробно въ присутствіи.

Одинъ отдатчиковъ, ходившій изъ хлопотать туть и тамъ о скоръйшемъ пріемъ воротился съ въстью, подмазалъ вездѣ, гдѣ было можно: одному отдалъ самъ изъ рукъ въ руки и глазъ-наглазъ; другимъ черезъ присяжнаго, который по этимъ дъламъ употреблялся, и, кажется, все ладно. На другое утро меня повели. служилъ, Солдатомъ какъ Я читатели помнять, но въ рекрутскомъ присутствіи не бывалъ, а отданъ прямо, черезъ бригаднаго командира кантонистовъ. Нынъ, поступая на службу другимъ порядкомъ, я увидълъ и другіе обычаи.

Въ присутствіи, кромѣ прочихъ, былъ еще жандармскій штабъ-офицеръ и даже флигель-адъютантъ. Это прежнія не наборъ, времена, и нынѣ, при всякую неправду выведуть наружу. Надобно же быть такому случаю: военный еще И

пріемщикъ былъ прежній ротный командиръ мой; а знаете ли, кто былъ флигель—адъютантъ?... извъстный вамъ полковникъ!

Ну, нечего по-пустому калякать! Меня выслушали, призадумались. Дѣло сомнительное: хотя и казалось бы, отдавать отставнаго унтера въ солдаты нельзя, но никто не смълъ взять на себя ръшеніе этого вопросу, случая необыкновеннаго. И два мѣсяца прошли въ перепискѣ, на которую однако же послъдовало ръшеніе въ мою пользу. Я жилъ полковника, $\mathbf{y}$ разсказывалъ ему всѣ похожденія свои. Онъ слушалъ съ любопытствомъ и взялъ съ меня слово, что я напишу записки свои: вотъ онъ.

Полковникъ былъ здѣсь на короткое время и безъ семейства. Груша выходитъ какъ говоритъ полковникъ, замужъ, И, Триста рублей счастливо. очень четыремъ полковничьихъ КЪ **МОИМЪ** сотнямъ, которыя я сберегъ въ цѣлости, и того семьсоть, сумма почти баснословная, зашита была въ синій полу-чекмень мой, и

я отправился съ обозомъ извощиковъ по Питеръ. Что мнѣ ВЪ докучать читателю, не только подробностями пути, но и самаго житья моего въ Питеръ! Я перебивался съ петельки на пуговку, съ корки на корку. Для чужаго человъка, Питеръ – тотъ же лѣсъ, а люди, покуда не обживешься, не спознаешься съ ними – тъ же дикари. Не стану пересчитывать вамъ сотни тысячъ неудачъ, встръчалъ я каждый день и на каждомъ шагу; но дайте разсказать мнъ два примъра. Менъе всего помъхъ встрътилъ я медико-хирургической стороны академіи: тамъ только нашелъ я радушный пріемъ и поддержку. Всего труднъе было мнъ заработывать во все время свой кусокъ хлъба и форменный мундиръ со всею къ аммуниціей. лѣтей Учить нему переписывать съ листа, вотъ всѣ почти источники для нашего брата! Я бы не прочь и отъ черной работы; но колкой дровъ и ноской воды болье какъ на хлѣбъ заработаешь, а время убьешь все; мнъ же

можно было работать только по ночамъ, да междучасками.

Попаль-было я въ контору русскаго купца, съ уговоромъ работать вечеромъ по два часа; но вскоръ стали меня употреблять артельщика, давать мнъ порученій на слѣдующее утро, когда мнѣ надо было быть на чтеніи. Я объяснился, противъ уговору и сверхъ былъ уволенъ моихъ, съ такимъ аптекарскимъ счетомъ, по которому, слава Богу, что съ меня ничего не взяли.

Попалъ Я еще КЪ портному, ДЛЯ переписки всѣхъ счетовъ его на тисненой розовой бумагѣ голубыми чернилами, какъ любовныя записочки, но онъ хотълъ также возложить на меня, не только обязанность сборщика всъхъ недоимокъ, НО отвътственность за нихъ. «Вы самъ писалъ чётъ, говорилъ Нѣмецъ: ВЫ долженъ отвъчать. Это мой правилъ».

Но самый замѣчательный въ этомъ родѣ случай былъ и съ замѣчательнымъ лицомъ. Позвольте распространиться.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Нечетная и недобрая, какъ тринадцатый гость за столомъ.

Въ началъ семисотыхъ годовъ, когда у насъ можно было итти по самозванцы что по грибы, когда Царевичемъ Димитріемъ называлось столько людей, когда бъдная отчизна наша, изнемогая отъ ранъ, едва въ силахъ была поднять на болъзненномъ одръ своемъ отягченную уже оковами руку и отмахивалась отъ лжъ-царей своихъ какъ отъ шершней и оводовъ, въ ЭТО услышали впервые про боярина Андрея Горипалаго, который быль по-крайнеймъръ пальцемъ на одной изъ удрученныхъ рукъ своего отечества. Горипалый не былъ свидътелемъ убіенія Царевича но, будучи преданъ Димитрія; душой отчизнѣ даннымъ своей И Богомъ Государямъ, онъ вызвался для посылки къ первому тогда появившемуся самозванцу, убъдился лично, что ЭТО не Димитрій, котораго онъ видалъ, убъдился даже, что самозванецъ этотъ былъ не-русскій, и съ

этой минуты Горипалый уже не давался болъе въ обманъ, а убъждалъ, кого могъ, своимъ, здоровымъ сильнымъ словомъ сердцемъ, теплымъ не върить умомъ И обманщикамъ, постоять мать-**3a** государство свое, за себя и за дътей и внучать своихъ, за кости дъдовъ, бить поголовно незваныхъ пришельцовъ грабителей земли русской, покуда они еще ссорятся промежъ собою; и, наконецъ, онъ бояринъ Андрей Горипалый, какъ говорить темное преданіе, не послѣдній вразумлялъ бояръ избрать на царство благодатный домъ Романовыхъ.

Андрея былъ числѣ ВЪ людей, молодыхъ осьмнадцати посыланныхъ еще Борисомъ Годуновымъ за море для ученья, и бояринъ Андрей самъ просиль Царя объ этой милости для сына своего, милости, которой въ тѣ времена другіе боялись И вовсе ея не искали. Нисходя далъе, находимъ потомка Андрея Горипалаго при лучезарномъ дворъ одной изъ славнъйшихъ въ міръ Императрицъ; но знаемъ объ этомъ Горипаломъ мало, почти

прибавлялъ онъ уже ЧТО прозванію своему овъ вмѣсто ый, искусный распорядитель пышныхъ пировъ, празднествъ НО человѣкъ И головой, И ДЛЯ выписалъ сына чрезвычайно лощенаго, всезнающаго Француза, въ шитомъ атласномъ кафтанъ, съ рукавами въ обтяжку. Французъ этотъ поставилъ на ноги уже не такого чудака какъ былъ Горипалый Андрей. И этотъ, правда, также назывался Андреемъ, чѣмъ знаменитый гофмаршаль, отець его, хотъль напомнить Государынъ услуги и заслуги праотца того же имени; но Андрей въ Андрея, какъ извъстно, не удается: иной угодить въ родъ и племя, а иной свихнется. Впрочемъ, если въ этомъ Андреъ и было что-нибудь, кромъ еще человъческое, то уже сынъ ВЪ ЭТОГО Андрея, Гаврилѣ Андреевичъ ВЪ Горипаловъ, свътское воспитаніе нашего добилось наконецъ вѣка настоящаго первообраза полновъснаго своего, вельможи. Довольно любопытно слъдить такимъ образомъ, какъ теперь, МЫ

поколѣніемъ, видъть, цѣлымъ И природа постоянно борется съ искусствомъ нашимъ, какъ порывается родить человѣка, исподоволь пересиленная, воспитаніемъ переспоренная нашимъ, нерѣдко наконецъ должна уступить ему и произвести свѣтъ, на ВЪ третьемъ, четвертомъ колѣнѣ, Богъ-вѣсть что такое. Туть, въ Гавриль, кажется уже нечего было ни чинить, ни портить; а онъ вылился съ первоначала самаго какъ быть ему слѣдовало, — ни толстъ, НИ тонокъ, коротокъ, ни дологъ, а такъ, очень видный, рослый, плотный, хорошо-сложенный мужчина. Лобъ у него быль превысокій, уши плоскія, огромныя, брови густыя и морщины надъ ними очень благообразныя; большіе, также НО какіе-то глаза междоумки: трудно было рѣшить съ перваго взгляду, что въ нихъ сквозило, чъмъ они блестьли, тупеемъ ли, остреемъ ли, сълица ли, или съ-изнанки; но въ нихъ была остойчивость, какая-то важная расходящіяся внѣшнихъ ОТЪ уголковъ глазныхъ КЪ вискамъ связки

мелкобороздыхъ морщинокъ придавали даже иногда глазу Гаврилы Андреевича какой-то прозорливости. Лицо его видъ было вообще довольно окладистое, черты всъ очень соразмърныя; но что бросалось въ глаза при первой встръчъ съ Гаврилою Андреевичемъ, и чему завидовали сверстники и даже наголовники его, удивительное искусство, СЪ которымъ природа расположила на лицѣ его морщинки и складочки: онъ были правильны, такъ отчетисто И чисто подобраны, что нельзя было бы вытиснуть ихъ лучше рубчатымъ утюгомъ. Все это придавало вмѣстѣ лицу Гаврилы Андреевича, слъдовательно и ему самому, чрезвычайно основательный, видъ разсудительный, важный, дъловой, а для нъкоторыхъ даже умный: онъ и слылъ тонкимъ политикомъ.

Я въ одно время работалъ немного на Гаврилу Андреевича... Не подумайте однако же, чтобы шилъ на него сапоги: нътъ, это было дъло знаменитаго Аренса; я сдълалъ, по-заказу, нъсколько выписокъ изъ

огромнаго тяжебнаго дъла, и поэтому былъ разъ или два въ кабинетъ этого вельможи, также, принималъ видѣлъ какъ онъ поутру десятка два дѣловыхъ однажды посътителей, большею частію по службъ, и могу вамъ все это пересказать: разумъется, что оно останется между нами. Съ этимъ же условіемъ я признаюсь вамъ также, за потерялъ довъренность Андреевича и почему впослъдствіи уже кабинеть его сдълался для меня столь же недоступнымъ, какъ и гостиная его. Мнъ слѣдовало получить за труды мои сто семьдесять пять рублей, по уговору; я былъ такъ неостороженъ, что деньги эти мнъ понадобились, и какъ никто мнъ ихъ не приносиль, то я за ними осмълился прійти самъ. Съ-тъхъ-поръ, Гаврилы Андреевича, по нынъшній день, все нътъ да нътъ дома, и я ему уже не работникъ. Если бы вамъ можно было, при свиданіи съ Гаврилою Андреевичемъ, – напримѣръ Соломкина: я знаю, что вы тамъ бываете, если бы, говорю, можно было напомнить какъ-нибудь Гаврилѣ Андреевичу

нижайшемъ ожиданіи моемъ, то вы бы меня этимъ очень одолжили.

про себя, Гаврила Дома, и одинъ Андреевичъ жилъ по-своему и для себя, а людяхъ по-большеу людей или при свътски. Поэтому и надобно отличить въ двухъ особъ, два лица: Гаврило Андреевичъ домашній, свойскій, себъ на умѣ, и Гаврило Андреевичъ гостинный, свътскій, или, какъ нынъ сказали салонный. Домашній ходиль въ лиловыхъ сапогахъ, китайскомъ плисовыхъ ВЪ парчевомъ халать, съ непокрытой головой, на которой съдые, не совсъмъ ръдкіе волосы причесаны были просто, безъ всякихъ затъй; въ правой рукъ у домашняго Гаврилы Андреевича почти безвыходно табакерка большая и двойной жила индъйскій платокъ, то есть, два платка, сложенные одинъ на одинъ вмъстъ: заведено было ради всегдашняго затяжнаго насморку. Домашній Гаврило Андреевичъ всегда плевалъ въ серебряную чашку съ граненой, вызолоченной крышкой, всегда садился между двухъ зеркалъ, когда его

причесывали, и открякивался, харкалъ и пыхтълъ, во все время этой продълки, особеннымъ, звучнымъ и величественнымъ не образомъ, спуская большихъ своихъ домашній глядѣлъ зеркала; СЪ важно, былъ молчаливъ, cyxo, всегда спрашивалъ, отвѣчалъ угрюмъ, приказывалъ всегда односложными нътъ, – Hy, -a!словами, - да, наконецъ, у домашняго нижняя губа всегда казалась нъсколько отвислою или крайней-мъръ она выпячивалась немного впередъ. Въ гостиномъ, больше-свътскомъ Гаврилѣ Андреевичѣ, всего этого и слѣду не было: прическа изъисканная; подчерненый помадой курчавый волосъ въ завиткахъ; чулки и башмаки, хотя уже короткихъ штановъ не носили; на пальцахъ богатые перстни; тонкій, батистовый платочекъ и два про-запасъ такихъ только же карманъ; табакерка маленькая, осыпанная изображеніемъ барскаго алмазами, СЪ дворца и усадьбы села Прохорова, наслъдія походка Горипаловыхъ; важная, НО не спъсивая; лицо привътливое; нижняя жъ

губа подбиралась всегда на свое мъсто; притомъ, всегдашняя улыбка, шутливость и веселость. Изъ всего этого вы изволите видъть, что хотя Гаврило Андреевичъ лобъ и уши свои носилъ безсмънно и въ гостяхъ и дома, но что все это принимало большомъ свѣтѣ иной какъ-то видъ образъ: праздничный, тамъ будничный; въ свътъ Гаврило Андреевичъ ходилъ на-лицо, а дома сидълъ изнанку; или, можетъ-быть, на-оборотъ, какъ угодно.

Утро у Гаврилы Андреевича было дѣловое, и я обѣщалъ вамъ разсказать занятія одного такого утра, въ которое мнѣ случилось простоять съ часъ мѣста въ пріемной благодѣтеля моего.

Когда ударило одиннадцать, то Гаврило Андреевичъ вышелъ, коричневомъ ВЪ въ обходъ, сюртукъ, и пошелъ сряду приговаривая: «Вы что?» или «Что вамъ угодно?» - смотря по степени извъстности дѣловаго посътителя. ему дѣла или Впрочемъ, ТУТЪ постороннихъ значительныхъ лицъ не было вовсе: это все почти были свои.

Первый чиновникъ подалъ списокъ и ему данному порученію, ПО приглашеніемъ распорядиться половины столицы вечеръ. Тутъ Гаврило на Андреевичъ, развернувъ расположенный по азбучному порядку списокъ, съ перваго взгляду зам $\pm$ тилъ, что на букву C кого-то недостаетъ: слъдовало быть, какъ Гаврило Андреевичъ на-память, зналъ человъкъ, а тутъ только осемь. Чиновникъ, служившій, какъ видно, по этой части не первый день, далъ на это, не запинаясь, удовлетворительный отвътъ, объяснивъ, что одинъ C изъ столицы, а сл $\pm$ довательно и изъ букваря Гаврилы Андреевича, выбылъ.

собою Другой чиновникъ, благовидный, поклонился, сказавшись чиномъ и прозваніемъ, и просилъ покорно незанятаго доселъ мъстечка, какого-то ссылаясь притомъ, относительно себя, на извъстныхъ Гаврилъ Андреевичу двухъ Андреевичъ Гаврило заставивъ лицъ. повторить трижды имя чиновника cBoe,

сказалъ потомъ, прищурясь и приподнявъ какой-то одно-прозванецъ голову, что просителя служилъ у Ивана Петровича и неблагонадежности удаленъ по своей: такъ ужъ не онъ ли это? – и, на просителя, отвѣтъ y Ивана что онъ Петровича не служилъ и никогда и быль, отвъчаль, удаляемъ не кивнувъ головой и проходя далѣе: «Да, ну, объ этомъ надобно прежде обстоятельно узнать». Проситель поклонился и туть же вышелъ.

Еще чиновникъ принесъ, на выборъ и Гаврилы благоусмотрѣніе Андреевича, печатные дъловые бланки съ вычурными, узорчатыми заголовками. Горипаловъ изволилъ разсматривать ихъ съ большимъ вниманіемъ, относя все дальше и дальше отъ себя, во всю длину руки, и, закидывая голову, повертывалъ назадъ листъ сличалъ, сравнивалъ; рукахъ, HO очковъ у Гаврилы Андреевича при себъ не было, а дѣло показалось ему слишкомъ важнымъ, чтобы рѣшить его такъ, скорую руку, было TO И чиновнику

приказано обождать, съ тѣмъ чтобы, по окончаніи выходу, заняться этимъ основательно и на-досугѣ, въ кабинетѣ.

очередь Наконецъ дошла ДО низенькаго, черноволосаго чиновника СЪ анненскимъ крестомъ на шеѣ, на котораго я давно уже смотрълъ, не понимая какія у него въ рукахъ разноцвѣтныя досчечки. были образчики какъ оказалось, Это. красокъ, для окраски половъ, дверей и департаментъ. Это ВЪ отвлекло Андреевича Гаврилу уже вовсе дальныхъ докладчиковъ, и дѣловое утро кончилось. Сперва тѣмъ изволили образчики разсматривать отъ свъту противъ свъту, къ себъ и отъ себя, прямо и сбоку; потомъ подошли къ окну и дълали разныя замъчанія насчеть цвъту, виду, цѣны; сравнивали, сличали, клали досчечки на полъ и отходили отъ нихъ, и заходили со всѣхъ сторонъ; приказывали держать ихъ рукахъ, подымая выше головы, отходить, и постепенно приближаться; отправиться наконецъ изволили ВЪ кабинеть, унести съ собою образчики, и позвать туда же низенькаго чиновника съ анненскимъ крестомъ и еще другаго съ извъстными бланками.

Слышавъ своими ушами, какъ Гаврило Андреевичъ приказывать изволили чиновнику, который приходилъ зазывнымъ спискомъ для раута, чтобы на оффиціантовъ справить къ этому вечеру бълые атласные жилеты и шелковые чулки, я уже ни сколько не призадумался подойти къ Горипалову съ покорнъйшею просьбой приказать выдать мн мои сто семьдесять рублей, ПЯТЬ коихъ, 0 конечно, полѣнились-де доселѣ довести ДО свъдънія, между-тъмъ мнѣ, какъ ОНИ бъдному человъку, крайне нужны. Но, видно, я отъ робости говорилъ такъ тихо, Гаврило Андреевичъ меня И по-крайней-мъръ слышалъ: они не обратили на меня ни какого вниманія, а впослъдствіи швейцаръ уже не пускалъ меня болъе въ домъ, и должокъ остался за Гавриломъ Андреевичемъ по сегоднишній день. Воть вамь все.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Отъ главы тринадцатой и до пятнадцатой.

Всъхъ лучше и върнъе, какъ узналъ я на опыть, платять господа сочинители за своихъ, перебълку сочиненій особенно стихотворцы, если только угодишь ихъ вкусу размъщеніемъ и пригонкой стиховъ и выборомъ прописныхъ буквъ. Разъ, помню, перебѣлять мнѣ лосталось огромное предположеніе одного знаменитаго прожектёра, о томъ, чтобы, для исправленія нравственности, народной забить ВЪ кабакахъ глухо двери и сдълать только стойки ВЪ окнахъ прямо съ улицы. Разсужденіе это начиналось словами: «Въ предметъ томъ, поелику, ибо, и въ тъхъ соблюденія видахъ, **ДЛЯ** казеннаго интересу», и прочая.

Наконецъ попалъ я на колею, которая избавила меня отъ всѣхъ крайностей денежной нужды; но это было уже въ послѣдній годъ моего курса. Судьба свела меня съ журналистомъ, который сдѣлалъ

изъ меня, какъ ИЗЪ **МНОГИХЪ** другихъ молодыхъ людей, если не писателя, то покрайней-мфрф писаку. Я писаль по-заказу обо всемъ, о чемъ писать меня заставляли, получалъ небольшія деньги всегда сполна, и видълъ послъ статьи свои въ печати съ разными прикрасами и СЪ загадочными двухъ буквъ, подписями **ВЗЯТЫХЪ** навыдержку изъ азбуки нашей.

Вотъ сколько я наговорилъ о побочныхъ пустыхъ предметахъ, И частію меня во время четырехъокружавшихъ годичнаго курса, а не сказалъ собственно о послъднемъ, занятіяхъ 0 моихъ. Все шло чинно, мфрно, тихо, и я получилъ наконецъ, дъйствительно заслужилъ и получилъ, – дипломъ лекаря первой степени. О! это стоило для меня всъхъ первостепенныхъ звъздъ на свъть! завѣтныя Давнишнія, мечты исполнились: я самъ себъ заработалъ и пріобрълъ почетное мъсто въ обществъ; и было миъ теперь не стыдно назваться воспитанникомъ коровницы и отставнымъ унтеръ-офицеромъ: я, напротивъ, гордился

этимъ и охотно разсказывалъ всякому, кому угодно было меня послушать. Вслѣдъ за томительнымъ испытаніемъ, я отправленъ былъ въ алтыновскую губернію уѣзднымъ лекаремъ того же уѣзду.

На пути въ Алтыновъ былъ со мною странный случай: судьба, казалось, хотъла испытать на выъздахъ, на первыхъ порахъ, рѣшимость молодаго врача, едва только поступившаго въ это званіе. Уставши простудившись рвшился немного, переночевать въ одной деревнъ, тъмъ болъе что я выъхалъ изъ столицы сейчасъ послъ назначенія своего и противъ поверстнаго сроку опоздать не боялся. До-свъту еще сдълался въ избъ шумъ и вопль. Я вскочиль, думая, что пожарь; но оказалось другое: какой-то бродяга повъсился на воротахъ у хозяина моего, и баба, идучи по-воду, кинула ведра свои, бросилась въ избу и подняла страшный вой. Я снялъ немедленно висъльника, несмотря на всъ убъжденія хозяина, и старался привести его въ чувство; но старанія мои были тщетны. Между-тъмъ мужики собрались, старосты и прочее деревенское начальство также, и рѣшительно, объявили мнѣ что не выпустятъ ИЗЪ села, меня покуда не прівдеть исправникъ: даже поговаривали громко, довольно что меня посадить подъ караулъ. Ни какія убѣжденія и угрозы мои не помогли: меня стерегли, караулили, не давали лошадей, продержали трое сутокъ, до прибытія исправника. Къ крайнему удивленію моему, этотъ, нашелъ распоряженія мужиковъ только вполнъ основательными, но посадивъ-таки хозяина моего и сосъдей его подъ караулъ, и осуждая поступокъ мой какъ крайне неблагоразумный подозрительный, И увърялъ, что никакъ не можетъ понять, какая мнъ, постороннему человъку, была нужда мъшаться въ такое уголовное дъло, и требовалъ, чтобы я ъхалъ съ нимъ въ городъ. Показавъ vъздный ему подорожную, я объявилъ положительно, что никуда бы не поъхалъ по подобному настоянію его, но что мнъ дорога и безъ туда, потому милости лежитъ И ТОГО просимъ, если угодно, ѣхать вмѣстѣ. Тамъ

держать меня долѣе не посмѣли, взяли только отъ меня письменное показаніе во и напророчили бъду неминучую. Бъды, конечно, не было; но перепиской по этому дълу мучили меня болъе году, и самъ инспекторъ управы очень былъ недоволенъ неумъстнымъ рвеніемъ моимъ И коломенскій какъ исправникъ: «Начто мѣшаться и вязаться не въ свое дъло!» – А если бы висъльникъ былъ еще живъ? возразилъ я. Но инспекторъ оставался при своемъ: «Какое вамъ до него дѣло! Начто такія непріятности ВЪ мѣшаться?»

Прибывъ въ Алтыновъ и принявъ дѣла при первой поъздкъ, свои, Я, освидѣтельствованія какого-то мертваго изобрѣтательную тѣла, открылъ промышленость моего лекарскаго ученика, покойномъ предмъстникъ который, при моемъ, управлялъ врачебно-полицейскими дълами уъзда и, съ большимъ умъньемъ и обстоятельствъ знаніемъ всъхъ отношеній, обдълываль самыя щекотливыя и тонкія дълишки. Въ одномъ довольно

значительномъ селеніи, черезъ которое мнъ довелось ѣхать въ сопровожденіи правой предмѣстника, крестьяне моего ръшились отправить ко мнъ въ избу цълое посольство мимо низшей инстанціи, моего который, подручника, стоя ВЪ старался выпроводить взашей незваныхъ гостей, спасибо не робкихъ: вытолкалъ ихъ дверь, они подошли къ окну, нижайшею просьбою отсрочить имъ сборъ сороку копъекъ съ дыму, который моимъ именемъ расторопный разложилъ ученикъ (только, право, не мой) на все село, за прививаніе оспы. Я глядълъ на мужиковъ всѣ глаза, BO НО смѣкнулъ въ чемъ дѣло, позвалъ ихъ къ себъ, и все объяснилось. Это водилось образомъ: ученикъ искони такимъ отправляется прививать оспу; прівзжая въ деревню, если можно въ рабочую пору, онъ разстанавливается какъ-можно шире квартирѣ, шумитъ, грозитъ, кричитъ, требуетъ на-завтра подводъ, посылаетъ во всѣ дворы обвѣщать, чтобы всѣ бабы съ ребятами собирались, и раскладываетъ по

столамъ и скамьямъ ножи, ланцеты, всякіе припасы, требуеть бинтовь, повязокь, и чтобы все это на каждомъ дворъ образцу; затѣмъ И ГОТОВО ПО тяжело, сожалья объ участи вздыхаетъ малыхъ ребятъ, которыхъ велѣно рѣзать ланцетомъ и прививать такимъ снадобьемъ, о которомъ-де въ Священномъ Бабы говорится. не ревутъ, отстаивають дътей, и мужики рады, если могуть отдълаться умъреннымъ взносомъ, котораго въдь и за труды, все одно, не миновать же. И десятскіе, послѣ разговору оспопрививателемъ старосты съ особицу, бъгаютъ по селу и стучатъ въ ставни и обвъщаютъ «сносить по гривнъ съ дыму, такъ лекарь, (то есть, фельдшеръ) уѣдетъ тронетъ». И никого не слъдующій разъ онъ прівзжаеть съ тьмъ же, и еще съ новыми угрозами, - подать жалобу, что уже и весною не давали привить дътей; и конецъ пъсни тотъ же. Наконецъ случится **ѣхать** уъздному лекарю, говорю уже членъ 0 не управы, — ТУТЪ уже всякій видитъ

необходимость загладить прошедшее, миролюбной сдѣлкой, кончить дѣло староста опять повъщаеть о сборъ. Такимъ образомъ мой опытный помощникъ успълъ уже, по прівздв моемъ, принять именемъ необходимыя мъры, и, видно, у мужиковъ не стало терпънья, и они пришли просить меня объ отсрочкъ. Къ этому должно прибавить еще три слова. Я не могъ настоять, чтобы дъло было обнаружено законнымъ порядкомъ и мой мошенникъ отданъ подъ судъ: его перевели въ другой увздъ, гдѣ продолжалъ успѣшно онъ службу.

Во время частыхъ разъѣздовъ моихъ по службъ, мнъ случилось также разглядъть однажды близенько разъѣзды уѣзднаго землемъра. Видъли вы это? Оно довольно потъшно. Пріъзжаю однажды въ деревню, безконечный поѣздъ, подводъ пятнадцать, въ томъ числѣ двѣ брички, и набито мъшками, кулями, все ЭТО сундуками, нъсколькими полу-пьяными, первому взгляду, какъ видно ПО выгнанными изъ службы чиновниками, и

женскаго полу, ТОГО лицами разряду, которыхъ называютъ у насъ салопницами, и множествомъ ребятишекъ. Спрашиваю съ «Землемъръ, удивленіемъ, что это. отвъчаютъ мужики, снимая шапки: ъдетъ межевать луга наши. Все спорное: сколько лътъ бъемся!... И драки сколько было у нихъ! изъ-за И насъ казны сколько издержали! На-силу Господь вотъ. смиловался, вельно отмежевать». — Какой же съ нимъ обозъ? – «Да это, батюшка, что проъздомъ соберетъ, муки да крупы, да овса, такъ и складываетъ на подводы и возить съ собой все льто, а къ зимъ домой. Въдь подводы ему ни почемъ; а во что онъ становятся, того ихъ милость разсчитываютъ. Да Богъ съ нимъ! только бы дъло покончилъ. По рублю съ десятины взяль ужь съ-весны: теперь, видно, по другому собирать прійдется». — Какой же народъ съ нимъ? – «Да это нахлъбники, батюшка. Извъстное дъло, куда пріъдеть, мужики кормять и его и кто съ нимъ ѣдетъ: только не обижай насъ. Ну, онъ и наберетъ нахлѣбниковъ. Они ему по цѣлковому, что

ли, платять въ мѣсяцъ, а онъ ихъ все лѣто и возить по губерніи, и разставляеть по квартирамъ и кормитъ. Тутъ глядите что будетъ: какъ только въ деревню, такъ всѣ и разбредутся по дворамъ, кричатъ, шумятъ, дерутся, давай того, давай сего... Что дѣлать—то станешь!»

Я уѣхалъ. Черезъ недѣлю возвращаюсь тъмъ же путемъ: землемъръ со свитой всееще празднуетъ имянины свои въ той же деревнъ, и мужики уже два раза посылали городъ за виномъ: слишкомъ опорожнили. Наконецъ раздается по селу Землемъръ отдалъ радостная въсть: чистить стралябію; значитъ, скоро пріймется за работу. Между-тъмъ рабочіе понятые, наряженные этой изъ сосъднихъ деревень, все дожидаются, хотя, конечно, домашняя работа ихъ не ждетъ. Съ этою радостною въстью, что астролябія чистится, одинъ изъ понятыхъ поскакалъ верхомъ въ сосъднюю деревню. Я уъхалъ, и впослъдствіи слышаль только, что пьяный землемъръ наставилъ межевыхъ столбовъ и вкривь и вкось, и отрѣзалъ, не только

мельницу, но и половину дворовъ одной деревни; а какъ столбы землемъра — неприкосновенны, и губернскія власти не могутъ уничтожить дъйствій его, то тяжба возобновилась и пошла по наслъдству съ покольнія на покольніе.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Отъ плохаго расположенія духа и до хорошаго.

При такомъ образъ жизни, службы и Алтыновъ, мнъ иногда мыслей въ трудно было нестерпимости жить служить, и я не скоро обтерпълся. Всякая несправедливость казалась мнѣ деннымъ разбоемъ, и я выступалъ противъ нея съ такою же ръшимостью и отчаяніемъ, какъ противъ человъка, который бы душилъ подлѣ васъ кого-нибудь, ухвативъ его за гдѣ кричатъ караулъ, бросался со всъхъ ногъ. Но я большею частію оставался въ дуракахъ, заслужилъ только прозваніе безпокойнаго человпка, а горю помогаль очень рѣдко. Въ Алтыновѣ

требовали, чтобы вы проходили спокойно своимъ путемъ и не мѣшались не въ свое дѣло, то есть, не заботились бы о томъ, если подлѣ васъ рѣжутъ другаго, а только оберегали бы свой кадыкъ и свою голову. Управа наша, при каждомъ удобномъ случаѣ, ожидала отъ меня свой обычный азіятскій пешкишъ, ожидала, и со дня на день становилась нетерпѣливѣе, и, какъ видно было по всѣмъ пріемамъ ея, искала случаю показать мнѣ, что долготерпѣніе ея истощилось.

Я былъ ВЪ самомъ плохомъ расположеніи духа и раскаявался уже почти въ избранномъ мною званіи: я мечталъ принести столько пользы человъчеству, а вмѣсто этого сидѣлъ теперь надъ срочными донесеніями всъхъ родовъ и сводилъ всъми неправдами концы, отписывался отгрызался какъ могъ на придирки, замъчанія и выговоры; на важныя донесенія свои по разнымъ предметамъ, требующимъ дѣятельныхъ немедленныхъ самыхъ И мъръ, не получалъ вовсе отвътовъ, а по пустымъ, которые не стоили и полу-листа

заводились огромныя дѣла нескончаемая переписка. Словомъ, все это выводило меня вовсе изъ терпънія, и я началь думать о томъ, какъ бы перейти врачомъ въ полкъ, въ военную службу. Получаю, какъ нарочно объ эту пору, три академическихъ товарищей отъ которые пошли армію своихъ, ВЪ которымъ я писалъ недавно и плакался на горькую участь свою.

Что же они писали? Да одинъ писалъ вотъ что:

«Полковникъ крайне мною недоволенъ; корпусный докторъ дълаетъ мнъ строгія замъчанія, грозитъ: отъ него подавно не уйдешь! Бѣда эта началась съ того, что съ одной стороны требують и взыскивають съ меня того, на что съ другой не даютъ на-оборотъ. средствъ, И Bce обрывается мнѣ, на горькія, И убѣдительныя просьбы и жалобы замирають въ самой глухой пустынъ, въ льсу людей. Другая бъда, которая еще Богъ-въсть чъмъ кончится, вотъ какая: дивизіонный и корпусный доктора требують

строгимъ самымъ И настоятельнымъ образомъ, чтобы мъсячныя въдомости были доставляемы къ сроку. Это хорошо: но я ихъ не могъ переслать по голубиной почтъ, а могу только закончить послѣдняго числа каждаго мъсяца, и потомъ, благословясь, отправить. Но квартиры наши расположены такъ несчастливо, что въдомости мои не могутъ дойти по обыкновенной почтъ въ дивизіонную квартиру прежде четырехъ пяти дней, а требують, не принимая ни какихъ отговорокъ, чтобы онъ были намъстъ отнюдь не позже послъдняго числа каждаго мъсяца. Никакія представленія и убъжденія не помогають; и ни какихъ отговорокъ принимаютъ: не получаю выговоръ за выговоромъ, съ строжайшимъ подтвержденіемъ обшихъ ВЪ словахъ въдомости **«доставлять** сроку». КЪ попытался закончить въдомость двадцатьпятымъ числомъ мѣсяца и отправить ранѣе: новый строжайшій выговоръ, циркулярно, дивизіи. R всей отправлялъ ПО нарочнаго, на свой счетъ: НО онъ мало опереживаетъ почту привозитъ мнѣ И

обратно тотъ же строжайшій выговоръ. Скажи, любезный другъ, Бога ради, что мнѣ тутъ дѣлать?»

А другой писаль воть что:

искусство «Показать познанія ИЛИ свои, - въ чемъ, какъ полагали МЫ невъдъніи слѣпомъ своемъ, обязанность и назначеніе врача, — показать себя въ своемъ дълъ, на это у меня о-сюпору не было случаю. Старшіе чиномъ лечатся у старшихъ чинами, а о томъ, что дълается въ лазаретъ, мои судьи судятъ, конечно, ПО уже рецептамъ, не докажеть тебь нижесльдующій примьрь. Одинъ генералъ осматривалъ лазаретъ и, при первой встрѣчѣ со мною, окинулъ меня съ головы до ногъ и сдълалъ мнъ строгій TO. за что выговоръ Я, медикъ, вытянулся передъ нимъ. «Куда вы, сударь, правую руку завалили? Не умъете стоять передъ начальствомъ!» Далѣе – выговоръ постели, выговоръ 3a **ПОМЯТЫЯ** за больныхъ, поношенные халаты за посуду, которой только оловянную ПО было, видно ЧТО ВЪ ежедневномъ она

употребленіи и выставлена не на-показъ. Словомъ, ты видишъ, тутъ рѣчь шла вовсе не о тъхъ предметахъ, которые преподавали намъ въ академіи. Бывало, когда толковали намъ о рукахъ и ногахъ, такъ рѣчь шла о вывихахъ, переломахъ, пульсѣ, 0 кровопусканіяхъ, или, говоритъ какъ фельдшеръ мой, венесекусахъ: тутъ не то. А знаешь ли, чъмъ старался утъшить меня послѣ костоправъ мой, фельдшеръ, когда генералъ ушелъ, посовътовавъ полковнику держать въ рукахъ? Онъ меня объяснилъ загадку. «Мы маху дали, ваше благородіе! сказалъ онъ. Да я не смѣлъ доложить вамъ, потому что ВЫ распоряжаться. Бывало, изволили Иванѣ Кондратьичѣ, поставимъ къ смотру больныхъ по кроватямъ, не по болѣзнямъ, а подъ ранжиръ; досчечки распишемъ почище бълилами, которыя на этотъ случай Иванъ Кондратьичъ нарочно изъ городу выписываль; трудныхъ, которые не могутъ прифрунтиться, выведемъ вонъ, жидовскую корчму, либо въ баню, чтобъ на глаза не попадались; прочихъ выровняемъ,

пригонимъ халаты, за сутки не велимъ ложиться, чтобы не ПОМЯТЬ постель, оловянную посуду также всю на-показъ, подъ ранжиръ, и не марали ее, а кормили больныхъ, перечистивъ Bce, черепочковъ; аптеку также всю прибирали стклянку подъ стклянку, невидное, a куда-нибудь, неказистое, прятали, уносили. А вы изволили приказать выдать больнымъ для носки и туфли и халаты, и разумъется, одъяла простыни: HV, И ходитъ, шаркаетъ, обобьеть, больной ляжеть, помнеть; оно ужь и не вь такомъ порядкъ. У насъ все это выдавалось, бывало, только къ смотру, и все было новое».

прочиталъ Какъ Я два любезныхъ мнъ товарищей по академіи, чуть не подурачился, чуть такъ заплакалъ: больно мнѣ было нихъ. **3a** Взяль шапку и пошель душу отвести къ человъку, котораго я душевно уважалъ, познавъ благородство и честность его, при нищенскомъ состояніи кармана. Это былъ нашъ увздный стряпчій, Негуровъ. Онъ

встрвчаетъ меня весело И дружески. Начинаю ему плакаться горе на cBoe, эту часть, что жалъть, что избралъ служить куда-нибудь пошелъ ПО гражданской службѣ, – «вотъ какъ ты, напримъръ, сказалъ я, подавъ ему руку: тебя всв любять, уважають; ты, маломъ чинъ и званіи своемъ, полезенъ: а я!».....

- Постой же, сказалъ Негуровъ: не торопись мнъ завидовать. Нътъ ли у тебя подставнаго на мое мъсто: я могу уступить его.
  - Что это значитъ?
- Какъ что значить! Развѣ ты не слышалъ, что я сегодня уже подалъ въ отставку и остаюсь, до-времени, съ семьей безъ мѣста?... Но Богъ милостивъ, а на Руси не безъ добрыхъ людей: найду другое.
- Да что это такое? Разскажи, Бога ради.
- Да вотъ что. Ты слышалъ, конечно, что къ намъ, вмѣсто умершаго, назначенъ былъ новый прокуроръ. Онъ человѣкъ намъ вовсе неизвѣстный и, можетъ-быть,

бездъльникъ, а можетъ-быть и честный человъкъ, не знаю; но, во всякомъ случаъ, принялся за службу свою съ перваго дня очень неудачно, не только, какъ говорится, лъвшой, даже НО такъ-сказать Пишетъ онъ, НИ СЪ ТОГО НИ сего. циркуляромъ всѣмъ уѣзднымъ ко стряпчимъ: «Предупреждаю стряпчихъ, чтобы они отнынъ приняли за основаніе совсѣмъ иныя правила досель. Я не потерплю злоупотребленій, которыя введены ими въ обычай, и прошу дъйствовать отнынъ иначе....» Каково это тебъ нравится! Положимъ, что прямое и честное намъреніе сдѣлать добро, – это, право, хоть болѣе сомнительно И пахнетъ задобрить приглашеніемъ строгаго, неумолимаго начальника; но положимъ, говорю, что намъреніе было честное: развъ это такъ дълается? Развъ можно начать исправленіе частнаго тѣмъ, чтобы зла напередъ ошельмовать всъхъ поголовно? Развъ можно сказать человъку въ глаза: «Ты воръ и бездѣльникъ», – если не

знаешь и не видаль человѣка этого въглаза, и ничъмъ опорочить его не можешь? Но, не менъе того, циркуляръ поъхалъ во всъ уъзды, а мнъ достался изъ первыхъ рукъ. Я въ тотъ же день отвъчалъ: «Крайне И прискорбно, что начальникъ нашъ, не узнавъ еще никого по поступкамъ его, оскорбляетъ И такимъ воззваніемъ всѣхъ подъ-рядъ, праваго и виноватаго. Что же собственно до впредь буду относится, то И Я руководствоваться тѣми правилами, же держался постоянно которыхъ втеченіи службы осьмнадцати лѣтъ своей». Прокуроръ обращаетъ мнѣ рапортъ мой съ надписью на немъ: «Предписаніе мое не требовало Неумъстныхъ отвъту. разсужденій не люблю. Если господину Негурову угодно, можетъ объясниться со мною лично.» Прихожу утромъ на другой день въ канцелярію прокурора, и застаю его тамъ, обще съ двумя его помощниками. угодно?» – Я пришелъ «Что вамъ вашему приказанію съ вами объясниться. – «Какого роду объясненіе вамъ угодно? Вы

обидълись циркуляромъ моимъ: можете обижаться; скажу вамъ въ-добавокъ, что онъ въ-особенности къ вамъ относится и что я повторяю еще на словахъ приказаніе свое. Довольно вамъ этого или еще чтонибудь угодно?» — Довольно, отвъчалъ я: даже черезъ-чуръ много. Желаю служить знаться И всегда СЪ такими людьми, которые могутъ переносить подобныя выходки спокойно. — Вышелъ, и просьбу прислалъ черезъ часъ отставкв.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Отъ стряпчаго Негурова вплоть до дъвицъ Калюжиныхъ.

Когда бѣдный Негуровъ разсказалъ мнѣ все это спокойно, какъ человѣкъ, привыкшій втеченіи долговременной службы своей къ подобнымъ явленіямъ; когда я надивился спокойствію духа его и благородной вѣрѣ его въ Провидѣніе, то устыдился своего малодушія. Въ самомъ дѣлѣ, я — человѣкъ одинокій, на мнѣ не

лежить судьба огромнаго семейства: о чемъ же мнъ столько заботиться? Буду прать противу рожна! буду, пренебрегая всъми дрязгами мелочными И кознями тщедушныхъ и проискныхъ людей, буду итти своимъ путемъ, не щадя жизни своей и до послыдней капли крови, какъ присягалъ я! А остальное предоставимъ Богу и Царю. Развѣ не удается иногда всякому изъ насъ, и самому незначительному человъку по чину и званію, сдѣлать мъсту, отстоять посрамить правду И бездъльничество, заклеймивъ презрѣніемъ благородныхъ? Что же мнѣ, послѣ этого, до мелочныхъ придирокъ, до злонамъренныхъ покушеній, повитыхъ неправдою и вскормленныхъ криводушіемъ людей? Они за себя отвътъ дадутъ, а мы за себя. И давно ли Негурову удалось сдълать доброе дъло, и не стоитъ ли оно того, чтобы за него иногда потерпъть? Развъ присяга моя «до послѣдней капли крови» который относится только до солдата, буквально исполняеть это, подставляя лобъ свой подъ пулю, а не нашего брата, у котораго иная капля поту, переработанная изъ той же крови, стоитъ капли самой крови; у котораго забота, не за свое, а за общее благо, и пря, война, единоборство за человъчество и правду, избороздятъ чело преждевременными морщинами, изсушатъ боевую жилу алой крови въ сухожилье?

Да! и Негурову недавно еще удалось сдълать въ тъсномъ кругу своемъ славное дъло! Мы были вмъстъ у пріемки рекрутъ. Зрѣлище жалкое. Туть справедливость, строгая, справедливость, святая только можеть оставить сколько-нибудь успокоительныя воспоминанія. Негуровъ не довольствовался тымь, чтобы сидыть судьей И городничимъ краснымъ за предсѣдатель слушать, какъ сукномъ И кричитъ по-очередно – лобъ и затылокъ, а входилъ добросовъстно самъ во все, что только до него касалось. Онъ взяль, между прочимъ, всъ посемейные списки, сидълъ каждый вечеръ за-полночь, ними между-тъмъ прочіе какъ господа занимались, отдыху ДЛЯ отъ дневныхъ трудовъ, вистомъ, и сличалъ списки эти во

всей подробности съ очередными списками правленій. Рано волостныхъ утромъ однажды къ Негурову молодой ВХОДИТЪ франтъ своего роду, хватъ ВЪ синемъ, тонкомъ кафтанъ, раскланивается по полу-барски, «я-де волостной писарь такой-то, прибыль съ рекрутами и съ отдатчиками». – Что же тебъ надобно? – «Да къ вашей милости. Много наслышаны объ васъ. Просимъ покорнъйше, позвольте поблагодарить васъ». – Благодарить тебъ меня не за что: я тебя въ-глаза не видалъ и худа ни добра тебъ не сдѣлалъ. Прощай. – «Да ужъ это такъ у насъ водится». – Ну, такъ у меня не водится. Пришелъ ни-званъ, поди жъ ни-гнанъ. Пошель! – Утромъ Негуровъ показываетъ предсъдателю отмътки свои на спискахъ и, между прочимъ, говоритъ: «Вотъ извольте посмотръть: туть что-нибудь да кроется. Что это значить? Севрюгины: это - семья шестериковъ, шесть мужиковъ въ семьъ; а тысяча-осемь-сотъ-седьмаго года не выставила рекрута и нынъ опять она не очередныхъ». – Это я-съ, показана въ

подскочилъ молодой волостной писарь: это семья-съ, батюшкина-съ. способныхъ. – «Да нѣтъ ТЫ первый, любезный другь, можешь въ гвардію итти, не говоря о другихъ!»...... Но сынъ, какъ видите, волостной писарь; отецъ старикъ у коштанъ, TO есть, стряпчій, повъренный и ходатай для міру, и притомъ очень зажиточенъ: такъ дъло всегда коеобходилось. И нынъ Негуровъ и я не дали подкупить остальные, пусть Богь ихъ судить, что и какъ у нихъ было, но только всѣ приняли сторону волостнаго писаря, и когда мы, таки не безъ труда, настояли на томъ, чтобы его раздъли и осмотръли, то онъ быль признань неспособнымь, потому что боку лѣвомъ нашлась на какая-то царапина, небольшой рубчикъ, который, по словамъ военнаго пріемщика, не даетъ ему стягивать мундира. Въ эту самую минуту дверь растворяется, вдругъ И входитъ флигель-адъютантъ, только-что прибывшій губерніи. «Здравствуйте, сосъдней господа! Какъ у васъ идутъ дѣла?» – Ему,

въ отвътъ, тотчасъ представляютъ спорный случай и волостнаго франтика, который нагишомъ, налицо. же И стоялъ Флигель-адъютантъ поглядълъ на военнаго пріемщика, осмотрѣлъ еще неспособнаго, поговорилъ два слова мной и попросиль присутствіе принять этого собственную его, флигельмолодца на отвътственность. Малый адъютанта, вздрогнулъ; старикъ отецъ упалъ въ ноги; но лобъ раздавалось уже отъ дверей къ забрили. Отецъ пріятеля дверямъ, И покаялся послъ, что всъ эти продълки стоили ему, втеченіи трехъ наборовъ, до осьми тысячъ рублей, а слъдовательно, онъ стъсненія бы безъ МОГЪ давно поставить за сына, не только одного, но и двухъ или болъе наемщиковъ. Одна страсть ходить кривыми путями и болѣе на нихъ надъяться, погубила его на этотъ разъ, гдъ наткнулся человъка. онъ честнаго на Негуровъ подставнаго спасъ ЭТИМЪ одиночку, то есть, одного сына у вдовой матери.

Между-тъмъ время бъжало; я жилъ и служиль въ Алтыновъ уже слишкомъ годъ; а я еще ни слова почти не сказалъ о нашей общественной жизни. Замъчательнъйшее въ Алтыновѣ было, безъ всякаго сомнънія, семейство, или домъ, первообразъ Калюжиныхъ. Этотъ повторяющійся родѣ, СЪ безконечными измъненіями, — 0, какъ природа разнообразна! — ВЪ каждомъ губернскомъ городъ, стоитъ того, чтобы заняться по-обстоятельнъе. Скажу напередъ, меня звали туда какъ гостя: я не пошелъ; меня зазвали какъ врача, обязанности моей, приняли какъ гостя, и, несмотря на ничтожное положеніе и званіе moe. – такое увздный лекарь! — ЧТО приняли почетно, заставили противъ воли быть гостемъ, быть своимъ, и едва-едва только отпустили душу мою на покаяніе: смерть была на носу. Изъ этого можете видъть, какъ ръдки и дороги въ Алтыновъ женихи: а гдъ неурожай, тамъ и голодъ; гдъ тамъ человѣкъ голодъ, поднимается необыкновенныя хитрости и ухищренія.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Отъ дому Калюжиныхъ и до дому Калюжиныхъ, или собственно объ этомъ предметъ.

Если вамъ только случалось жить въ какомъ-нибудь губернскомъ городъ, то вы, безъ всякаго сомнънія, знаете семейство Анны Мироновны. Примъты его вотъ какія. довольно открыто; она Живетъ служить въ порядочныхъ чинахъ, но объ немъ мало рѣчи: болѣе бываетъ разговору о супругъ его, Аннъ Мироновнъ, которая все знаеть, всюду бываеть, и всюду – первая первыхъ. Она числится одной изъ почетнъйшихъ барынь въ городъ, вывозитъ на вечера по три, по четыре, даже по пяти дочерей, взрослыхъ И дочери ЭТИ пристраиваются, одна другою, **3a** ПО свътскому понятію, довольно выгодно, хотя онъ, какъ говорится, ни съ рожи ни съ кожи, всъ болъе или менъе просты, чванны, собою очень посредственны, ходять люди въ блесткахъ, а дома шлюхами. Домъ

держится собственно Анною Мироновной, смыслъ: всякомъ она проситъ, принимаетъ и угощаетъ гостей; она и сама напрашивается куда слѣдуетъ въ гости; она добываетъ все необходимое наружнаго блеску, въ долгъ, и въ счетъ, и взаймы, и на-прокатъ, И даже благословляла вторую дочь свою подъ то довольно богатый образъ вънецъ, золоченомъ окладъ былъ взятъ рядахъ съ бою, потому что никто по доброй волъ ей въ долгъ не върилъ. Между-тъмъ формально отказать ей купцы безденежномъ заборъ товаровъ не смъютъ: слишкомъ почетное, слишкомъ извъстное лицо въ городъ; нравственное вліяніе ея слишкомъ велико. Это — Наполеонъ своего роду, до изгнанія его изъ безчестьемъ, и всѣ Россіи СЪ языки должны ей покорствовать. A какъ ея. въроятно, никогда не **ЧТКНОЛЕЙ** СЪ безчестіемъ изъ Россіи, то изъ ЭТОГО слъдуетъ, что она лучшій тактикъ, политикъ, чѣмъ покойный стратегикъ И Наполеонъ. Одна дочь у ней за генераломъ

по-крайней-мъръ, **3a** статскимъ совътникомъ. Въ домъ у Анны Мироновны все очень порядочно, потому что первыя три комнаты, составляютъ гостиная, столовая. Далфе не ходите: тамъ гдѣ нельзя задній дворъ, требовать же Дочери опрятности И порядку. показываются только около полудня, то полной походной И аммуниціи, если ВЫ a врасплохъ ихъ захватите, TO онъ. какъ маменькины ученицы въ военномъ искусствъ, поспъшно за собою отступаютъ, уничтожая переправы и затрудняя преслѣдованіе, то бъгутъ опрометью онъ захлопывая за собою двери. Какъ быть! домашній капотецъ скоро затаскивается; платчишко, если даже и его случится накинуть, также; а чъмъ всю будничную аммуницію эту строить новую, такъ лучше поберечь вывздное деньжонки на Конечно, барышни щегольское платье. такія хозяйки, чтобы лютыя наши не домашнее платье изнашивалось или маралось отъ хозяйскихъ трудовъ и работъ:

о, нътъ! на это есть у нихъ, слава Богу, и Машка, и Сашка, и старуха Сидоровна; но въдь нельзя же и уберечься за всякій часъ: то прійдется помадиться и обтереть обо что-нибудь близкое р∆ки; то невзначай потрешься около шандала, либо плеснешь на себя чего-нибудь. День-за-день, одномъ да въ одномъ, не набережешься; и впрочемъ, признаться: кчему, домашнее. Мыть бы можно платье конечно, но и тутъ встрвчаются разныя помѣхи: не всегда есть подъ рукой бальные обноски, которыми бы можно временно замънить будничное платье, а вѣдь ходить же, такъ, ни въ чемъ: этого нельзя; водится, не даже самыхъ И ВЪ отдаленныхъ домашнихъ комнатахъ Анны Мироновны, кромѣ **КТОХ** туда, домашнія тайны. посвященныхъ ВЪ не человъческое заглянетъ одно НИ Кромъ-того, дъвки заняты нужнъйшимъ: то стираютъ наряды, шьютъ TO бълье. необходимости TO штопаютъ чулочки, если они повредятся выше пятки и подошвы, на видномъ мѣстѣ: въ противномъ

же случав собирають петельки на одну нитку и затягиваютъ въ курчавинькой комочекъ. Еще и то сказать, привычка — та природа: не хочется разстаться блузой, къ которой привыкнешь, и знаешь уже наизусть гдв недостаеть пуговки, гдв оборвалась петелька, и привыкъ уже ко всъмъ сподручнымъ ухваткамъ, тамъ безъ большаго труда придерживать. А наконецъ зимою, когда барышни носятъ стеганые капоты, то ужъ вы и сами знаете, что мыть такую вещь не удобно; и тутъ поневолъ ходишь осемь мъсяцевъ въ салъ и во всякой всячинъ. А кто же виноватъ, что у насъ климатъ такой суровый и зима долгая? Говорять, что это даже и самому Наполеону было вредно: а вы хотите, чтобы такое обстоятельство осталось безъ вліянія на домъ Анны Мироновны.

И такъ, если вы живали въ губернскихъ городахъ, то вы, конечно, домъ этотъ знаете.

Такое точно семейство жило въ Алтыновъ. Герасимъ Степановичъ былъ старшимъ по чину и вліянію совѣтникомъ

одной изъ палатъ, и ему ни въ какомъ случав не слъдовала казенная квартира, но Анна Мироновна съумъла такъ устроить дѣла, ему что былъ данъ **ДОВОЛЬНО** обширный казенный домъ, хотя, правда, нъсколько въ ветхомъ состояніи; но зато постоянно отпускался ремонтъ, а Герасимъ Степановичъ надъялся овладъть этимъ, по праву десяти-лътней домомъ давности своего въ немъ проживанія: онъ надъялся вскоръ купить домъ съ молотка... такъ, рублей за семь съ полтиной. Домъ быль уже, стараніемь Анны Мироновны, удостоенъ негодность, ВЪ освидътельствованъ, и донесено, что даже строительные припасы всѣ отъ ветхости пришли въ негодность. Всъ въ городъ были одного мнѣнія насчетъ Калюжиныхъ: всѣ Степановичъ Герасимъ знали, ЧТО какого-нибудь защиту надсядется ВЪ безгласнаго подсудимаго, да и вообще не подрываться куда-нибудь станетъ какихъ-нибудь особенныхъ видовъ И нужды. Но у Герасима Степановича вѣдомостяхъ графа «состоитъ» одного

мѣсяца, соотвѣтствовала графѣ «состояло» слъдующаго мъсяца, а итоги подъ суммами, дълами и арестантами, всегда были върны. Всѣ знали, что онъ, не имѣя состоянія, нуждался въ подкръпленіяхъ постороннихъ, особенно при его родъ жизни, и потому никто не удивлялся, если случай, тутъ или раскрывалъ какое-нибудь обстоятельство и молва пускала его со всъми околичностями по бълу-свъту: это въ порядкѣ вещей, и объ говорили только какъ о всякой городской новости, томъ, что къ какъ 0 купцу Шугаеву привезенъ изъ Нижняго свѣжій товаръ, что Өома Ивановичъ даетъ вечеръ, а на Степанидъ Семеновнъ было опять втеченіи платье, седьмое новое Иногда, правда, дивились исподтишка, отчего Герасиму Степановичу все съ рукъ сходитъ. Семнадцать лътъ живетъ онъ въ этой должности въ Алтыновъ; семнадцать лътъ всъ знаютъ все, что знать можно, и по разу или по два въ годъ бываютъ яркіе, разительные случаи, гдѣ городъ, весь будетъ наостривъ уши ждетъ — что-то

теперь Герасиму Степановичу, неужели и такъ пройдеть? И проходить! Весь перечтетъ городъ знаетъ И вамъ пальцамъ крайность ВСЮ домашнихъ обстоятельствъ Калюжиныхъ, странные и позорные происки ихъ, замъчательныя и соображенія многосложныя И дъйствія Анны Мироновны потайными пружинами и разныхъ ствснительныхъ рычагами ВЪ обстоятельствахъ, и особенно, если нужно пристроить одну изъ дочерей-погодковъ. Словомъ, Калюжины составляли анекдотическую; HO, при всемъ томъ, занимали всѣмъ размърамъ тремъ ПО пространства, въ длину, въ ширину, и въ глубину, одно изъ первыхъ мъстъ обществъ. На всякой порядочной свадьбъ Мироновна бываетъ городъ Анна Герасимъ посаженою матерью или Степановичъ отцомъ; все купечество было помѣшано на томъ, что Анна Мироновна, главнѣйшая счастливаго какъ половина супружества, какъ одно изъ почетнъйшихъ лицъ въ городѣ, должна вложить серьги невъстъ, когда ее повезутъ подъ вънецъ; а у каждой изъ дъвицъ Калюжиныхъ было въ городъ крестниковъ и крестницъ по пятнадцати.

За долги Анны Мироновны лавочникамъ сидъльцамъ расплачивались посторонніе: было ЭТО такъ заведено искони, и Анна Мироновна не видъла ни какой причины измънять такой порядокъ. Расплата происходила двоякимъ эта собственно посредствомъ образомъ, ИЛИ просителей, которые, по здравому разсудку своему, всегда уже являлись Мироновнъ съ расписками отъ купцовъ въ уплатъ счетовъ ея, или же обыкновеннымъ порядкомъ, законнымъ алтыновскую комиссію погашенія долговъ Калюжиныхъ. Комиссію эту составляли всѣ городъ. жители, весь Купцы наличные раскладывали на нихъ, по счетамъ своимъ, долги Анны Мироновны и набавляли цѣну на товаръ, отчего и можно было сказать преувеличенія, безъ всякаго что Алтыновъ дешевле брать товары въ долгъ, если даже и платить за нихъ, чѣмъ наличныя деньги: съ должниковъ своихъ

купцы рады были получить хоть чтонибудь, а честнымъ и вѣрнымъ плательщикамъ не уступали ни гроша, а набавляли еще, говоря: «Да съ кого же намъ, батюшка, выручить? Въ убытокъ торговать нельзя!»

Для пяти дочерей, которыхъ привыкли дома называть дътками, не было въ домъ ни какого особаго угла, ни днемъ, ни ночью: онъ болтались днемъ, отъ нечего дълать, между залой и дъвичьей, то по окнамъ, то по печамъ, – изръдка, передъ баломъ, съ какою-нибудь легонькой работой накладки или оборки, а больше такъ, ни съ чъмъ, въ ожиданіи вечера: вечеромъ, все сноснъе какъ-то скука не И одолѣваетъ. Вечеромъ, если онъ выъзжали сами, непремънно кто-нибудь большею прівзжаль нимъ, частію къ милая молодежь, любезная которой И нравилось несвязанное обращеніе въ домъ Калюжиныхъ которая также, И поутру, съ большимъ нетерпъніемъ ожидала вечера, послъ томительнаго, длиннаго на этомъ свъть и скучнаго дня. Въ

отношеніи, молодежь вполнѣ сочувствовала Калюжинымъ. Тутъ дѣвицамъ славные и завидные женихи. Одинъ – съ самыми длинными въ цѣломъ городѣ ногами перехватомъ: онъ, чувствуя свое, становился всегда превосходство вилами по-середи комнаты и, если можно, противъ зеркала. Другой отлично хорошо говорилъ по-французски и былъ мастеръ смъшить до слезъ: этотъ всегда старался, занявъ нѣсколько времени и насмѣшивъ цѣлое общество, залучить на свой пай дъвицу на-особицу, въ чемъ ему, какъ крайне образованному человъку, никто и не кому думалъ мѣшать: же довърить дъвушку, если не человъку такой тонкой, высокой образованности, цвъту столичнаго общества! Третій быль не очень казисть и ходиль-себъ такъ, спустя рукава, говорилъ вслухъ мало, занимательно НО такъ нашептывалъ и занималъ вполголоса, что, словомъ, бесъда его, надобно полагать, была очень поучительна, потому что собесъдницы изъ дому Калюжиныхъ слушали его съ большимъ удовольствіемъ;

онъ же иногда приносилъ и книги, въ другіе дома съ осторожностью и съ оглядкой, а къ Калюжинымъ, гдѣ было не НИ какой ценсуры, предстояло не какой ни опасности, чтобы родители полюбопытствовали **узнать** вкусъ услужливаго гостя, безъ всякаго зазрѣнія совъсти. Иногда Калюжинымъ удавалось гдъ-нибудь подъ-руки подхватить себъ за посадить КЪ столъ молодаго, холостаго помъщика, особенно пріъзжаго, и это быль большой праздникь. Если такого человъка удавалось разъ подхватить подъруки, то его обыкновенно съ рукъ спускали, развѣ ужъ самъ наконецъ потянется да вырвется. Такимъ образомъ вечеръ проходилъ довольно пріятно: можно было отдохнуть дневной отъ скуки спокойно улечься полуночи, около увъренностью, что до завтрашняго вечера осталось менъе сутокъ. Ложились барышни наши тутъ и тамъ, вповалку, гдв случалось: кроватей своихъ у нихъ не было, чтобы не мъста; простынь занимать лишняго одъялъ потому что лишній также, ЭТО

расходъ, а дѣло невидное; одна лежала на одномъ диванѣ, другая на другомъ, третья на стульяхъ, четвертая на полу, и этой обыкновенно доставалась перина. Укрывались онъ, старенькимъ которая одъяльцемъ, немножко излахмоченнымъ, которая салопомъ своимъ, капотцемъ Хлопчатая бумага мантономъ. пренесносное вещество: гдъ только подбой или покрышка продерется, то она такъ и лѣзетъ вонъ! Впрочемъ, одно изъ одѣялъ было домѣ ВЪ извѣстно ЭТИХЪ названіемъ атласнаго, и за него бывало несогласія: хотълось всякой МНОГО одъваться атласнымъ одъяломъ. Атласу оставалось на немъ одна только память, да Утромъ, всякая все-таки атласъ. дѣвицъ СЪ вставала своего ложа И, завернувшись чинно въ салопецъ свой или одъяльцо, завътной отправлялась КЪ вѣшалкѣ, за ширму, снимала съ гвоздя или подымала съ полу домашнее платьице свое, тутъ же надъвала и отопочки, башмачки, и къ объду умывалась, чесалась, закалывала распущенную косу, и прочая. Bce ЭТО

дълалось чинно, спокойно, молча, протирая со сна глазки. Иногда только выходили непріятности, маленькія если младшая попадала ногами въ башмачки четвертой сестры, та въ слѣдующую за тѣмъ пару, и далѣе, покуда наконецъ на оставалась дътскихъ старшей пара отопковъ, которые ВЪ она НИ коимъ образомъ могла вправить не ноженьку свою. Пять паръ башмаковъ – не шутка: выходитъ десять штукъ! Какъ разбирать изъ кучки, куда дъвка ихъ всъ свалила, подобравъ въ трехъ или четырехъ комнатахъ, то иногда такая запутанная вещь выходила, что впродолженіи цѣлаго часа не могутъ барышни подобрать пару къ одному окаянному башмаку: другой не лѣзетъ на ногу, да и только! Между-тѣмъ, всѣ уже разбредутся по занятіямъ своимъ, одна къ окну, одна къ печи, одна немножко растянется на диванъ, и дъвка бъгаетъ съ однимъ башмакомъ по цѣлому дому и, приговаривая: «Барышня, пожалуйте-съ», ловить барышень за ноги и примъриваетъ башмакъ. Разумъется, что которой та,

достанется стоять босикомъ за ширмой и этого розъиску слъдствія, дожидаться И времени повышаетъ времени ДО ОТЪ плачевный голосъ свой и даетъ сестрамъ, положеніи отчаянномъ своемъ, поступкамъ названія. приличныя ихъ Впрочемъ, какъ выъздные башмаки всегда поступали въ свою очередь въ будничные, а утренніе, И ВЪ TO ВЪ одиннадцати утра, до часовъ отнюдь не позже однако жъ, можно было видъть барышень нашихъ иногда въ одномъ розовомъ башмакъ, въ другомъ голубомъ или зеленомъ. Случались иногда маленькія неудовольствія и по тому поводу, что дъвка, у которой были только двъ руки и двъ ноги, не могла чесать болъе одной барышни вдругъ, между-тъмъ какъ утро уже нечаянно проскочило сквозь пальцы, настало объденное время, – долгоногой, Французъ, и другіе милые посътители, съ нетерпъніемъ ожидали въ гостиной выходу, и, подходя на цыпочкахъ къ дверямъ общей жилой комнаты, прислушивались напъвамъ пискливымъ И тоскливымъ

барышень, негодующихъ другъ на друга и на дъвку за остановку и проволочку. Тутъ слъдовало бы, по справедливости, положить пеню за протори и убытки. Притомъ же и гребень одинъ, – не дюжинами жъ ихъ закупать для дому! - и какъ ни бейся, а надобно выждать очереди. Сама ни одна изъ барышень, не умъла вычесываться, да оно, кажется, и не прилично: на это есть дъвка. Бываетъ и то, гребень завалится куда-нибудь, за сундукъ, за комодъ, въ рукомойникъ; ударитъ десять, одиннадцать, и въ домѣ пойдетъ такая суматоха, крикъ, пискотня, плачъ, что даже жалостно ищутъ дъвки, бъгаютъ слушать; барышни ходятъ шальныя, слъдомъ, гуськомъ, и погоняютъ. Пора выходить: а еще нътъ и гребня!

Ho парная если И одежда, какъ нерѣдко башмаки, разразнялись ВЪ домашнемъ быту дъвицъ Калюжиныхъ, то непарная, какъ само собою разумъется, ходила съ плечъ на плеча безъ всякаго разбору. И этому разряду, КЪ принадлежало особенности, бѣлье: **BCe**

маменька и дочки носили его сподрядъ и безъ всякаго различія. Въдь оно мягкое, убористое: можно по нуждъ и стянуть и распустить, и подобрать, и однимъ словомъ, это — не платье: какъ оно сидитъ, до того Обзавести каждую никому нътъ нужды. своимъ бъльемъ, это не бездълица: полотно посътителей дорого, никто ИЗЪ удивится такой роскоши и даже не узнаетъ о томъ. Предметъ, сами посудите, таковъ, ловко похвалиться этимъ что не къмъ-нибудь, въ-глаза: оно какъ-то приходится. И такъ бѣлье — общее; и это новый источникъ домашнихъ непріятностей: невсегда доставало на перемѣну кругомъ, а нельзя же ходить всегда въ безсмфиномъ, особенно лътомъ. Пора, когда барыни, въ полномъ убранствъ, по узкости облитаго платья, бълья не носили вовсе, миновалась, безъ крайности не хотѣлось заводить такую моду *. Еще поводъ къ раздору: бълье; подадутъ проношено ОНО тесемочки выдернуты, виситъ такъ, что съ

нимъ не справишься, а тутъ дѣло спѣшное. Вотъ и вскинется одна: «Это ты, Настя! Ужъ сейчасъ видно, которая вещь на тебъ была! Это ты оборвала тесемочки!» А тутъ дъвка: подхватитъ «Нѣтъ-съ, барышня-съ: онъ на подвязки ЭТО выдернули-съ». Ну, и пойдутъ перекоры! Поэтому и бълье всегда отношеніяхъ было не слишкомъ исправно. Спросить не на комъ: да и кому какая нужда объ немъ заботиться! Только бы съ плечъ да съ ногъ долой; а тамъ, авось, другой достанется: пусть носить знаетъ! Не самой же, и въ самомъ дѣлѣ, бѣлья: вычинкой дворянское дѣло. Пожалуй, вонъ у Василья Адамовича, у директора гимназіи, говорять, дочери сами на себя башмаки тачаютъ: такъ это – другое дъло; онъ – Нъмки. Ужъ гораздо жъ приличнъе русской дворянкъ, значительнаго чиновника, дочери ходить какъ-нибудь, бы лишь ВЪ показаться по-людски, чъмъ работать на себя по-холопьи одежду. Рубахи цѣлой въ домѣ не было, это правда; оказывалась

крайняя также иногда нужда ВЪ чулкахъ: исподницахъ HO, И зато, наслѣдственный жемчугъ перенизывался по воскресеньямъ, для забавы. Это дълалось И называлось: гостиной рукодъльемъ. Впрочемъ, не занимаются наговаривать по-пустому: годится И барышни иногда рукодъльничали. Онъ, я думаю, могли вышить что-нибудь по канвъ, гдъ стежка идетъ на-готовую за стежкой, и обузить, ни посадить нечего; бълошвейная работа, ну, это конечно имъ не рука: на это есть дъвки. Конечно, всъ вещицы, которыя ходили туть и тамъ подъ ихъ работы, принадлежали именемъ моднымъ и самымъ безполезнымъ вещамъ въ мірѣ; но вы опять-таки хотите, чтобы русскія, барышни, дворянки ремесленницами, и работали что-нибудь годное, путное, полезное для дому. Въ этомъ-то и штука, чтобы выдумать такую вещь, которою бы въжливые гости могли между-тѣмъ любоваться, a видѣть ПО первому взгляду, что это сдълано одной лишь забавы, не по нуждъ, не для нужды, и даже вовсе не для употребленія. Когда Калюжина готовила одной дочери приданое, то справляла ей, уже отдъльно сестеръ, полдюжины рубахъ, шесть платьевъ, одно будничное, шелковыхъ ситцевое, но ни юбчонки, ни кофточки, а убрала зато постель, наволоки, простыни и парадное шелковое одъяло, кружевомъ. Да! позабылъ сказать еще O платочкахъ: для общаго обиходу, было въ домъ съ дюжину батистовыхъ платковъ, но уголки у нихъ всѣ были прорваны и даже оторваны прочь. Это дълалось образомъ: въ бъльъ ихъ связывали попарно, чтобы удобнъе перекидывать просушки черезъ веревку, а потомъ, когда приходилось катать или гладить, скорости развязывали узлы зубами просто растягивали въ-ручную, и, - видно, батисть быль плохъ: частенько зубъ прачки узелокъ проходилъ ВЪ на-вылетъ или кончикъ одного платка оставался ВЪ затянутомъ узелкъ другаго.

Съ этимъ превосходнымъ порядкомъ въ домѣ согласовалось, разумѣется, и самое

воспитаніе дочерей: одно другому не Не думайте, чтобы уступало. мать ихъ право, нѣтъ! баловала: имъ иногда ПО было цѣлымъ **ДНЯМЪ** житья не нагоняевъ, чемъ-либо онъ если ВЪ согрѣшали противъ тактики Мироновны, вынужденной обстоятельствами. Онъ, при постороннихъ, отвъчали головою, - которой доставалась порядочная мойка, — за всѣ невыгодныя послъдствія поведенія, несогласнаго чемъ-либо съ планами матери. что завѣтной ширмой, дълалось за перегородкой, или вообще въ домъ далъе столовой, счетомъ въ третьей комнатъ отъ передней, до этого, разумъется, Аннъ Мироновнъ не было ни какого дъла: въ это она, какъ благоразумная и чадолюбивая мѣшалась, не стъсняла мать, не дочерей ничъмъ. Если, напримъръ, Калюжины приглашены были на объдъ или на вечеръ, то ни какая головная боль, ни угаръ, ни тошнота, ни другія обстоятельства одѣться, невозможность не спасали дочерей корсета вывзду. И Вы отъ

согласитесь, что это также благоразумно и чадолюбиво, потому что ОНО дѣлалось собственно для нихъ же, для дътей: ихъ надобно показать гдъ только къ тому есть случай. Тогда не принималось ни какой отговорки: должно было одъться, улыбаться, глядъть на всъхъ весело, заманчиво, любезничать. Если носили въ рукахъ женишка, долгоногому не было пощады: и не гляди на не говори И съ нимъ Влюбляйся на-просторъ тамъ И свободъ, когда никого нътъ; а теперь сюда держись, сюда носомъ, туда кормой, правь по компасу и не сбивайся съ румба: вотъ Если, - что тебѣ маякъ! случалось впрочемъ очень рѣдко и, можетъ-быть, всего раза два три, – если слишкомъ строгій порядокъ домъ ВЪ выводилъ которую-нибудь наконецъ дочь терпънія, и она, наслышавшись отъ какойнибудь подруги о томъ, какъ то или другое водится другихъ домахъ, ВЪ пыталась завести какой-нибудь толкъ и порядокъ, въ бѣльѣ ли, въ чемъ ли другомъ, то Анна

Мироновна останавливала ее въ ту же минуту и говорила: «Вздоръ! Чтобы я распоряженій твоихъ въ домѣ и не видѣла и не слыхала! Ты бы, сударыня, изволила напередъ позаботиться, чтобы порядочный человѣкъ къ тебѣ присватался, да не покинулъ бы опять послѣ, по твоей же глупости: да тогда и распоряжайся у себя въ домѣ какъ хочешь. Какъ жили донынѣ, такъ будемъ жить и впередъ.»

ГЛАВА ОСЬМНАДЦАТАЯ.

Отъ дому Калюжиныхъ и до квартиры Чайкина, черезъ большую улицу и рынокъ, за вторымъ переулкомъ.

И такъ, вотъ вамъ этотъ знаменитый, хлѣбосольный домъ Калюжиныхъ, домъ, вамъ, конечно, уже знакомый, потому что, повторяю, онъ есть въ каждомъ порядочномъ городѣ Руси.

Время было, о ту пору какъ я прибылъ въ Алтыновъ, для Калюжиныхъ, надо думать, тяжелое: старшую дочь отдали

благополучно за вице-губернатора; другую, зятюшки, старались помощью пристроить одного изъ совътниковъ, aкоторый быль уже поставлень въ положеніе, что ръшительно не зналъ дълать и какъ быть, и съ-горя запилъ, чего, говорять, съ нимъ прежде не бывало. обстоятельствомъ счастливымъ воспользовались, Артемій когда И Семеновичъ началъ приходить въ себя, то ему сказали, что онъ – женихъ Марьи Калюжиной и что вице-губернаторъ очень представленіи его хлопочетъ $\mathbf{0}$ награжденію землею по чину.

У Калюжиныхъ стояли всъхъ на концахъ города махальные, которые Анну Мироновну обо извѣщали происходящемъ. Кромъ-того, Калюжиныхъ былъ угольный; окна во все льто растворены настежь: такъ уже сквознымъ вътромъ заносило всъ въсти, которыя летали безъ хозяина по городу. Изъ пяти домашнихъ караульныхъ, по-крайней-мѣрѣ, стояли постоянно часахъ у оконъ, чтобы видъть все, ЧТО

дълается на улицъ, кто прошелъ, проъхалъ, куда, кто кому кланяется, кто нътъ, и прочая. Вы видите, что тутъ не смѣны, доставало на двѣ И часовыхъ бъдненькія притина; полагая три НО барышни обмогались какъ могли и только по праздничнымъ днямъ ставили за ворота, въ помощь себъ, передовой постъ, ведитъ, состоявшій изъ двухъ дѣвокъ и человѣка: полныя и законныя три смѣны.

прівзжіе пользовались Bc⁺b вновь особенною милостью и привътливостью въ домѣ Калюжиныхъ. На другой, третій, день прівзду новаго чиновника, его приглашали къ Калюжинымъ къ объду; при приглашали прощаньѣ за-просто вечерамъ; и на слъдующій вечеръ, если онъ самъ не являлся, за нимъ посылали; при третьемъ посъщеніи, ему вручались альбомовъ дѣвицъ Калюжиныхъ, съ просьбою написать или нарисовать чтонибудь; дѣло потомъ уже a ШЛО обыкновеннымъ порядкомъ.

Я не хотълъ заводить въ Алтыновъ общирнаго знакомства, отнъкивался въ-

особенности, ПО слухамъ И какому-то предчувствію, отъ дому Калюжиныхъ; но меня наконецъ позвали туда какъ врача. Разумъется, что тутъ не было для меня ни какого поводу отговариваться: я пошель. Посъщеніе это кончилось знакомствомъ моимъ въ домъ. Все было уже такъ искусно и мило подведено и подготовлено, что мнъ и тутъ не осталось ни одной уловки, если я не хотълъ быть просто неучемъ и грубымъ. Вторымъ слъдствіемъ этого приглашенія, гдъ лекарское званіе мое служило только благовиднымъ предлогомъ, было то, что господа члены управы сильно противъ меня возопіяли и требовали отъ меня отвъту, какъ я смѣю втираться въ ихъ практику и принимать на себя чиновныхъ больныхъ, когда тутъ есть врачи по-старше меня и сверхъ-того еще мои начальники; какъ я смѣю быть совмѣстникомъ непосредственнаго начальства моего. «Этоде, при первомъ попутномъ случаѣ, можетъ подчиненному обойтись дорогонько». Между-тъмъ слъдствіе, третье И необходимое при знакомствъ домѣ ВЪ

Калюжиныхъ холостаго человъка, не замедлило вскоръ оказаться на—дълъ. Не знаю, съ котораго конца начать быль эту: она какъ—то запутана. Поводу я, право, не подалъ къ ней ни какого, развъ только тъмъ, что также расписался и разрисовался въ пяти альбомахъ барышень: но что же вы будете дълать, коли вамъ ихъ подносятъ? Не сказать же — «Пишите сами!»

И грѣха НИ какого Я замышлялъ, ни о чемъ не думалъ, бывалъ разъ въ недѣлю у Калюжиныхъ, на-ряду со множествомъ другихъ: вдругъ слышу, что только пустили ПО меня, не женихомъ, но что даже у Анны Мироновны вице-губернаторомъ, зятемъ, маленькая Онъ ccopa изъ-за меня. противится этому союзу, объщаетъ найти жениха по-чище меня, И не желаетъ родниться СЪ отставнымъ солдатомъ, который уъздные угодилъ какъ-то ВЪ лекаря; а она настаиваетъ, хочетъ отдать за меня дочь, «которой-де отъ счастья своего а нынъ время такое, что не бъгать, набъгаешься». Bce женихами не ЭТО казалось мнѣ до времени очень забавнымъ, и я сталъ только бывать у Калюжиныхъ еще рѣже прежняго и только въ такіе дни, когда собиралось тамъ много, и наконецъ почти отсталь вовсе. Въ городъ, гдъ два дома разссорились за то, что одна барыня сказала: «Ахъ, какой вы кръпкій чай дълаете!» – а другая отвъчала сухо: «Для гостей своихъ я ничего не жалѣю,» — и разошлись словомъ, слово за разъѣхались турухтанами; гдѣ, кромѣ-того, какъ извъстно, какой-то безплотный бъсъ, видѣ вихря, носить по городу перепутываеть на каждомъ перекресткъ городскія въсти и сплетни; въ городъ, подумалъ я, не убережешься отъ этихъ швей: пусть ихъ плетутъ! Но этимъ я не отдълался.

Я жилъ въ низенькомъ домикъ безъ палисадника. Улицы въ этой части города такъ широки, что бабы лѣтомъ черезъ улицу другъ другу въ окно горшки на ухватъ передаютъ. Передъ окнами моими нанесло огромный сугробъ снъгу, а его прикрыли еще пластомъ навозу. Весна

пришла; я растворилъ рано окна; а междутъмъ по улицамъ не было еще проъзду на Семейство Калюжиныхъ, колесахъ. маменька съ четырьмя дочками, съли въ огромный возокъ и отправились по этой распутицъ съ визитами. Ъдутъ онъ по моей улицъ, взобрались на знаменитый сугробъ мой, а оттуда кучеръ возьми да и вывали ихъ прямо ко мнъ въ окно. Я сидълъ въ халать за работой въ сосъдней комнать, но, услышавъ страшный крикъ въ окнѣ своемъ, успълъ еще во-время подскочить, чтобы принять подъ-руки незваныхъ и нежданыхъ гостей. Въ самомъ дѣлѣ, имъ нельзя было выльзть иначе изъ возка какъ прямо ко мнъ въ окно. Разъ, два, три, четыре: пятая сама Анна Мироновна. Всъ, слава Богу! Народъ сбъжался; возокъ поставили на ноги, подали подъ крыльцо, и я гостей Разъ, выпроводилъ. своихъ два, четыре: пятая сама Анна Мироновна. Слава Богу, всъ!

Это происшествіе, въ которомъ я, право, столько же виноватъ какъ и вы, разнеслось сейчасъ же по всему городу, надълало

много шуму, толковъ, а меня, который не мѣсяца болѣе уже ВЪ благодарности Калюжиныхъ, ИЗЪ пригласили къ объду и на вечеръ, и взяли меня слово быть непремѣнно. разсказывала чудеса Мироновна отчаянной неустрашимости моей какъ изъ-подъ опрокинутаго ихъ спасалъ по правдѣ сказать, хотя, возка, оставалось только открыть окно свое, и вся поклажа, весь грузъ вывалился въ былъ комнату. Я при ЭТОМЪ лицо Ho страдательное. странно, какъ, нѣсколько дней послѣ сряду ЭТОГО происшествія, весь городъ тъснился болъе обыкновеннаго въ гостиную Калюжиныхъ, какъ-будто любопытствуя взглянуть нихъ послъ визита уъздному лекарю, тъ ли онъ, какія были. А еще страннъе, вице-губернаторъ господинъ счелъ за подослать ко мнѣ послѣ этого нужное знакомаго со мной чиновника своего, съ объявленіемъ, чтобы я и не думалъ изъ дому Калюжиныхъ, невъстъ что «этому-де не бывать». Я глядълъ долго,

вопросительнымъ знакомъ въ натурѣ, на пріятеля моего и не зналъ, хохотать ли мнѣ, или сказать пошлую грубость. Наконецъ я сдълалъ и то и другое; я расхохотался и спросиль его: «Развѣ есть въ Алтыновѣ обычай, сватать непремѣнно тѣхъ дѣвицъ, которыхъ кучеръ вздумаетъ вывалить къ вамъ въ окно?» – Пріятель замѣтилъ, что я сватался Прасковьѣ же на Герасимовнъ, и что я нынъ возобновилъ предложеніе свое. Я отвъчаль прямо, что это — нагольная ложь, когда тоть увърилъ меня, что онъ объ этомъ самъ слышалъ отъ Анны Мироновны и быль свидътелемъ споровъ ея по сему предмету съ зятемъ, то я въ ту же минуту одълся и пошелъ къ вице-губернатору самъ.

- Что скажете, почтеннъйшій?
- Я пришель къ вамъ съ страннымъ объясненіемъ: но какъ быть! извините меня. Вы приказывали сказать мнѣ подъ-рукою, что не желаете, не допустите брака одной изъ свояченицъ вашихъ съ уѣзднымъ лекаремъ. Свидѣтельствую передъ вами, что уѣздный лекарь этотъ никогда не

думаль льстить себя такой несбыточной надеждой, что онъ даже никогда не желаль, не искаль этого, и слъдовательно ничъмъ не угрожалъ вашему семейному спокойствію.

- Какъ? спросилъ вице-губернаторъ,
  сблизивъ и нахмуривъ брови.
- Такъ, отвъчалъ я: никогда не думалъ объ этомъ, и первое слово слышу сегодня отъ пріятеля моего, почему и счелъ долгомъ лучше сейчасъ съ вами объясниться.
- Вы однако же имъли намъреніе, то есть, желаніе, продолжаль вицегубернаторъ: и, можетъ-быть, оставили его, какъ человъкъ благоразумный, который...
- Который, прерваль я: никогда объ этомъ не думалъ, никогда и никому на свътъ ничего подобнаго не говорилъ, никогда, сколько знаетъ, не подавалъ къ такимъ сплетнямъ ни малъйшаго поводу: и только!

Его высокородіе походили взадъ и впередъ, заложивъ руки въ карманы, промычали раза два отрывисто букву *м*,

потомъ вдругъ обратились ко мнѣ съ просьбой, чтобы это все осталось между нами.

- Я въ дѣлѣ этомъ, сказалъ я, человѣкъ посторонній. Не спросите вы меня, и я бы ничего объ немъ не зналъ, не только не говорилъ. Но что же теперь, когда сплетня получила, по-видимому, такую гласность, прикажете мнѣ отвѣчать тѣмъ, которые заблагоразсудятъ спросить меня объ ней съ такою же откровенностью какъ вы?
- Послушайте..... сказалъ вицегубернаторъ. А какъ почтенное имя и отчество ваше, позвольте узнать?
  - Вакхъ Сидоровъ.
- Виновать, извините меня. Послушайте жъ, любезный Вакхъ Сидоровичъ: сами вы изволите видѣть, дѣло щекотливое. Рѣчь идеть о доброй славѣ дѣвицы одного изъ первыхъ домовъ здѣшнихъ. Скажите, что вамъ отказали. Вамъ можно современемъ доставить покровительство: вы знаете, безъ этого молодому человѣку служить трудно!...

поглядълъ нъсколько Я времени уѣзднаго лекаря ЭТОГО изъ податнаго состоянія, передъ которымъ стоялъ вицегубернаторъ со звъздой въ видъ какого-то просителя, и забылъ на-время, что я самъ одно изъ дъйствующихъ лицъ этой комедіи. опомнился, когда вице-губернаторъ меня убъдительнъе просить объщать еще съ большимъ жаромъ высокое покровительство свое.

- Не для того, Иванъ Степановичъ, сказалъ я наконецъ: что вы объщаете мнъ лестное покровительство свое: я обходился безъ него И не при обстоятельствахъ, въ какихъ живу нынѣ; не потому, что она дъвица изъ перваго дому въ Алтыновъ, а я изъ послъдняго въ Комлевъ; просто такъ, безъ всякихъ причинъ, извольте, я сдълаю: я буду говорить, что мнъ отказали. Но потрудитесь уже взять на себя передъ извинить меня Анной Мироновной: я у нихъ въ домъ болъе бывать не могу.

Вице-губернаторъ облобызалъ меня и проводилъ до передней. Черезъ два дня

страшная сплетня, вышла которую пересказать въ подробности не поворотится да И не стоитъ того: благодарности КЪ поступку моему, разсказывали обо мнѣ ужасныя злодъянія, безпримърныя ухищренія, происки, черные поступки всъхъ родовъ, «вслъдствіе-де коихъ мнъ и было вдругъ отказано, не только отъ бывшей невъсты дому Калюжиныхъ»; НО И отъ предостерегали весь городъ не знаться и не такимъ неблагодарнымъ водиться съ злодъемъ, «который-де былъ принятъ въ домѣ, обласканъ какъ свой, и прочая и прочая, и наконецъ отблагодарилъ такимъ поступкомъ». Листки чернымъ мои четырехъ альбомахъ были, всъхъ ПО приказанію маменьки, вырваны и преданы поруганію; наконецъ призывали тайно какую-то знахарку, кто говорилъ ДЛЯ привораживанья моего, кто говориль для мести, чтобы напустить на меня корчи и сухотку.

Я почти лишнимъ считаю прибавлять еще какое-нибудь поясненіе: наглая

сплетня о сватовствъ моемъ изобрътена и первоначально была распущена Анной Мироновной, съ тъмъ, первое, чтобы въ городъ заговорили о новомъ женихъ въ семействъ Калюжиныхъ, – признанная издавна полезною потому повторяемая у Калюжиныхъ, какъ время-оно чистительныя средства мъсяца; перваго числа каждаго второе, чтобы понудить другихъ жениховъ по-ръшительнъе приступить дѣлу; КЪ третье, наконецъ, чтобы приготовить себъ на всякій случай убъжище: если, то есть, первымъ мѣра двумъ ПО статьямъ бы недъйствительною, оставалась бы подставнаго сдълали изъ заправскаго, настоящаго, постарались бы придать дѣлу такую степень гласности и запутать наръченнаго со всъхъ сторонъ подосланными людьми подведенными И штуками, такъ что бъдняку, въ самомъ бы дълъ, ничего не оставалось, жениться, если онъ не хотълъ бъжать съ этого свъта куда-нибудь на другой или покрайней-мъръ въ другую губернію.

Я даль вице-губернатору слово принять все это на себя и сдержаль его. Впрочемь, въроятно, и независимо отъ этого, и противъ воли моей, вся вина упала бы на меня: одинокому и ничтожному по чину и званію человъку слишкомъ мудрено было бы состязаться въ доброй славъ и имени съ такимъ почетнымъ и хлъбосольнымъ домомъ, каковъ быль въ Алтыновъ домъ Калюжиныхъ.

Я отставаль отъ общества все болъе и бѣдно И тъсно жилъ жалованьемъ своимъ, И посвятилъ время свое, весь досугъ, книжнымъ письменнымъ занятіямъ и больнымъ тъхъ сословій, званій которые И нелегко находять необходимую для нихъ помощь и Вся безвозмездная пособіе. практика Алтынова и его окружности была у меня на рукахъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Объ огурцахъ, моркови, тыквахъ, картофелѣ, и другихъ предметахъ роскоши.

Однажды, утромъ, ко мнъ заходитъ Негуровъ, который, вышедши, какъ сказываль, въ отставку, нашель давно уже хорошее мъсто: выгодное очень И имъніемъ образованнаго управлялъ благомыслящаго вельможи, проживающаго въ столицъ, и былъ доволенъ судьбой. Съ нимъ, съ Негуровымъ, я иногда отводилъ душу, и когда онъ бывалъ въ городъ, то всегда меня навъщалъ.

Негуровъ сдълался замъчательнымъ хозяиномъ, и его образъ мыслить, судить, образъ дъйствій, смышленость истинно русская, меня всегда чрезвычайно занимали и привлекали. Я слушалъ его по цълымъ часамъ, и здравыя сужденія, необыкновенно удачно приспособленныя къ обстоятельствамъ и выраженныя плавною, чистою русскою ръчью, плъняли меня какъ ребенка. Помню, онъ говорилъ въ этотъ

достопамятный для меня день о причинъ упадку помъстій и о нравъ русскаго крестьянина.

«Большая часть хозяевъ И промышлениковъ нашихъ, говорилъ онъ, старовѣры родовъ, И модники, выскочки. Первые тупы, упрямы, держатся съ изувърствомъ безтолковыхъ учрежденій и распоряженій закорен влаго предразсудка; изображены Крыловымъ баснъ «Огородникъ удачно ВЪ филосовъ»: они выписывають мастеровъ, управителей изъ-за границы, въ полной увъренности, что коли онъ Нъмецъ или Французъ, такъ долженъ все знать и все умъть, и не замъчають того, что къ нимъ **ѣ**дутъ изъ-за моря одни выжимки, соръ и бракъ, люди, которымъ тамъ уже некуда дъваться. Другое, не менъе важное, обстоятельство: у отца пять сотъ душъ и порядкѣ; имъніе старикъ ВЪ живетъ бариномъ; у него, по обычаю, тридцать человъкъ дворни, своя охота, своя музыка, пъвчіе. Тремъ сыновьямъ свои его достается каждому сто шестьдесять шесть и

трети души: а каждый двѣ ИЗЪ непремѣнно хочетъ жить, какъ жилъ отецъ! Они не привыкли жить иначе, по-крайнеймъръ съ-издътства привыкли слышать и свою очередь заживутъ думать, что въ этой завътной барами: какъ отъ отказаться! допустить, чтобы всъ сосъди говорили: «Старикъ жилъ не такъ, жилъ открыто; у него было то, другое, третье; у сыновей нътъ этого ничего; они живутъ мелкопомъстно!» И куда дѣвать эту, избалованную, гульливую, дворню праздничную, непривычную къ работъ, если бы они, сыновья, и вздумали жить похозяйственнъе? Нашъ родъ хозяйства таковъ, что огромная дворня объѣстъ въ нъсколько лътъ и богатаго помъщика, какъ червь или кобылка, а помъщика средней руки огложеть кругомъ. Далѣе: Демидова, у котораго вообще управленіе въ Тагилѣ можетъ назваться образцовымъ, у насъ почти нътъ въ Россіи помъщика, у котораго крестьяне были бы обезпечены образомъ надлежащимъ запасами, случай голоднаго года. Урожай – хлъбъ

продается за безцънокъ; неурожай – бъдъ нечъмъ пособить: вся выручка трехъ, прошлыхъ четырехъ лѣтъ не прокормить насъ втеченіи одного бъдственнаго года, потому что денегъ, если бы онъ и были еще на-лицо, ъсть нельзя, и чъмъ болъе вы выпустите въ такой годъ денегь, тъмъ болъе вздорожаеть хлъбъ, но сдълается болъе, запасовъ прибудеть. Ясно, что достаточные запасы хлъба съ году на годъ предупредили бы это бъдствіе и могли бы поддерживать всегда уравнительныя, среднія цѣны, именно какъ это дълается въ Тагилъ. Дешевъ хлъбъ, не продавай его, а дорогъ, не набавляй черезъ мъру цъны: и выгода все у тебя будетъ та же. Но хозяйство наше всегда устроено на одни сутки; мы искони перебиваемся съ весны на весну и, безъ наличной выручки къ сроку, не можемъ прожить трехъ дней.

«Надобно также умъть совладать надобно мужикомъ нашимъ; ДЛЯ ТОГО грамматикъ научиться, только не риторикъ его, то есть, языку, но и логикъ. Да, v логика своя. Онъ него **ГОТОВЪ** повърить всякую минуту самому безсмысленному вздору, ВЫ если подкръпите болтовню свою его логикой, и, наоборотъ, не повъритъ очевидной логикъ, если не съумъете его убъдить. У насъ это большое горе, что не умъютъ говорить съ чернью: говорять съ нею или съ-высока, такъ что она не можетъ ничего понять, или какъ съ животными, со скотомъ. Мужикъ въритъ предохранительной оспъ, въритъ пользъ отъ картофелю и другихъ овощей, не въритъ никакому новому и лучшему порядку въ управленіи, а готовъ предохранительную върить, что свѣтъ пустилъ антихристъ, на ЧТО картофель порожденіе сатаны, моровая язва летаетъ уткой, а хвостъ у нея змъиный, или бъгаетъ ночью оборотнемъ по селу, или заходить въ стадо подъ видомъ пригульной не извъстно откуда скотины. призадумавшись, Мужикъ, не повъритъ любому вралю, что всъхъ вызываютъ на переселеніе КЪ сытовымъ водамъ медвянымъ берегамъ. Нелегко онъ вамъ повъритъ бы было ВЪ какомъ TO ни

полезномъ для него же изобрѣтеніи, а еще труднѣе будетъ вамъ убѣдить мужика въ пользѣ этого дѣла и заставить принять, перенять и примѣнить его; но онъ повѣритъ вамъ тотчасъ, на-слово, что есть такіе знахари, которые не орутъ, не сѣютъ, а такое слово знаютъ, что сыты бываютъ; и прочая.

R» могу вамъ разсказать подобнаго и изъ собственнаго опыту моего, изъ нынъшняго моего хозяйства. И я колочусь съ ними иногда какъ рыба объ ледъ. Напримъръ, у насъ лошадей воруютъ мужиковъ безпрестанно, a держать не соглашаются: лучше пускають лошадей все-таки на-авось. Овецъ гоняютъ въ одномъ стадъ съ коровами, потому что держать особеннаго пастуха ДЛЯ стоить по двадцати копъекъ съ овцы, чего крестьянинъ заплатить не согласенъ: между-тъмъ, коровы безпрестанно давятъ топчутъ овецъ, особенно ягнятъ. Не проходить льтомъ двухъ недъль, чтобы не задавили по-крайней-мъръ одного: все это не наука, не убъжденіе; все-таки всякой

пускаеть овцу свою на-авось въ коровье стадо. Огородовъ нътъ у крестьянъ; бакчей нътъ; кромъ хлъба своего, не съютъ ничего и съять не хотять. Мало этого: чтобы овощей много И, заохотить крестьянъ, отдалъ имъ прошлаго цѣлый загонъ готовой моркови и сотни двѣ старость, сказавъ чтобы всъхъ. Что раздѣлилъ на ЭТО думаете? Морковь погнила вся въ землъ, тыквы померзли и пропали: никто потрудился воспользоваться этимъ; НИ одинъ человъкъ не поъхалъ набрать тыквъ, не послалъ ребятишекъ нарыть моркови, – отъ лѣни и отъ упрямства. Но если вы думаете, что крестьяне мои не ѣдятъ тыквъ ошибаетесь: удъльные моркови, TO по-сосъдству, съютъ крестьяне, **МНОГО** овощей всякаго роду и развозять ихъ по деревнямъ; КЪ моему мужику когда привезуть подъ окна возъ моркови, мужикъ беретъ ее, не только за деньги, коли онъ у него есть, но, что хуже того, беруть мърку моркови за мърку муки; между-тъмъ морковь стоитъ десять

копѣекъ, а мука — полтину; и этого вы мужику не растолкуете людской логикой: онъ говоритъ свое: — «Отдать муку, такъ деньги дома». Крестьяне мѣняютъ такимъ образомъ и тыквы и огурцы и свеклу, а сами не разводятъ... все за недосугомъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Отъ предметовъ хозяйства и до самаго конца разсказа съ попутными замъчаніями о чеботарномъ ремеслъ.

Между-тъмъ, какъ мы толковали съ Негуровымъ, вошелъ старикъ чеботарь, отставной солдать, который всегда Алтыновъ меня работалъ. Негуровъ на поздоровался прибавилъ, СЪ нимъ И обращаясь ко мнъ: «Славный старикъ, тезка и твой. однопрозванецъ Я люблю.» — Какой тезка? спросиль я. Это рѣдкость: я немного встрѣчалъ на Руси тезокъ. Развъ и тебя зовутъ Вакхомъ? – «Нѣтъ отвѣчалъ тотъ: Сидоромъ». А прибавилъ: — Негуровъ Онъ однопрозванецъ твой, — Чайкинъ.

Чайкинъ! и Сидоръ Чайкинъ!... Меня вдругъ будто обдало кипяткомъ съ головы до ногъ. — Да откуда ты родомъ? спросилъ я робко, почти проглотивъ словечко ты. — «Изъ Комлева,» отвъчалъ старикъ, и принялся—было снимать у меня съ ноги мърку, закусывая мътки зубами.

Изъ Комлева и Сидоръ Чайкинъ!... Въщее не даромъ во мнъ вздрогнуло: это точно быль мой отець! Лъть пять жиль онъ уже въ Алтыновъ, куда случай его занесъ; два года постоянно на меня работалъ, и теперь только объяснилось, что это былъ родной отецъ. Тридцати-лътнія мой похожденія его были очень просты: онъ быль отдань въ Лебедяни въ солдаты какъ бродяга, прибывъ на ярмарку, въ надеждъ на авось, безъ паспорта и связавшись съ другимъ барышникомъ или, лучше сказать, конокрадомъ, который поручилъ продажу краденыхъ лошадей, чего отецъ мой и не зналъ, и втянулъ и запуталъ его въ дѣло. Прослуживъ законный батюшка быль уволень въ отставку; а какъ у него въ Комлевъ не было ни кого изъ

своихъ, то онъ и остался на перепутьъ въ заработывалъ Алтыновъ хлѣбъ И ремесломъ, которому выучился на службъ. никакъ хотълъ Старикъ не яснъйшимъ доказательствамъ моимъ, что я сынъ его: дѣло казалось баснословнымъ. Наконецъ онъ расплакался какъ ребенокъ и, утирая слезы, говорилъ безъ-умолку, разсказывая всѣ похожденія въ какомъ-то полу-нервическомъ раздраженіи чувствъ и духа.

Можете себъ представить, какого это надѣлало Алтыновѣ, шуму ВЪ когда въсть, что чеботарь Сидоръ разлилась оказался роднымъ отцомъ увзднаго лекаря! записныхъ въстовщицъ, Одна изъ которой всѣ новости доходили всегда ранѣе прочихъ, разумъется, чѣмъ до всѣхъ задушевная пріятельница Анны Мироновны Калюжиной, прівхала къ этой спустя не послѣ болѣе часа описаннаго случаю; прі тала, запыхавшись, къ Калюжинымъ, и какъ въ домъ еще было рано, TO захватила всъхъ въ-расплохъ между И въ передней дѣвку прочимъ застала

лакея, сестру и брата, въ какой-то ссоръ. Гостья эта сдѣлала въ ту же расправу, давъ имъ обоимъ по пощечинъ и нѣсколько назидательныхъ уроковъ, чреватая прошла, нежданною затъмъ новостью и въстью своею, прямо въ покои Мироновны, гдъ И разрѣшилась мгновенно и благополучно отъ бремени своего. Только при прощань вона, увидъвъ опять ту же дъвку, сказала мимоходомъ: «Я у васъ, матушка Анна Мироновна, и помирила разобрала людей. Оомка бранился воть съ сестрой, и чуть подрались. Нътъ, не безпокойтесь: я уже покончила это дѣло».

- Видите, я всегда вамъ говорила, что этотъ Чайкинъ – преподлый человъкъ, Мироновна, Анна отвѣчала когда изумленія, отъ опомнилась И потомъ закричала: — Дътки, дътки! — подите сюда! и когда барышни, пошаркивая отопочками своими и поддерживая и прихватывая, гдъ надобность была, свои блузы и капоты, вошли, она разсказала TO имъ мое происхожденіе СЪ какимъ-то видомъ

наставленія и поученія, приказывала впередъ всегда остерегаться такихъ случаевъ, и еще разъ освъдомилась, не осталась ли какая—нибудь память обо мнъ въ которомъ—нибудь альбомъ.

Инспекторъ управы, какъ ближайшій начальникъ и покровитель мой, призвалъ меня, когда въсть дошла до него частнымъ образомъ, и глазъ-на-глазъ, разспросилъ обо всемъ подробно, приговаривая: «Да какъ же это такъ!» и, пожимаясь то въ ту то въ другую сторону, какъ-будто его жгло то туть то тамь, или что-нибудь такое наконецъ, убъдившись безпокоило; истинъ дъла, совътовалъ мнъ, съ видомъ покровительства, отправить, коли ужъ это случилось, старика своего такъ $\Pi O -$ Нашъ тихоньку домой на родину. инспекторъ управы былъ также въ своемъ человъкъ: родѣ чернилъ онъ искусно густые, съдые волосы свои, употреблялъ притираній разныхъ много И косметическихъ средствъ снадобій, И одъвался и убирался каждое утро часа два, запираясь одинъ на-замокъ, выступалъ

очень важно и величаво, любилъ цѣпочки, печатки, перстни, кольца и булавочки съ мушками и козявками, помъстилъ себя врачомъ при больницъ, богадъльнъ, въ приказъ, при гимназіи, семинаріи, словомъ, при всъхъ заведеніяхъ въ Алтыновъ, гдъ только было хоть маленькое жалованье; подробно доносилъ всегда 0 обширныхъ занятіяхъ, и въ круглый годъ не заглядывалъ ни одного разу никуда. По мъста, И важности чину его было бы дъйствительно неприлично: больнымъ уже легко было и отъ того, что онъ тамъ числился. Тамъ всѣмъ завѣдывали фельдшера, и даже писали по формъ скорбные листы и названія бользней на досчечкахъ. И такъ, онъ посовътовалъ мнъ отправить отца скоръе на родину его.

- Кому же онъ здѣсь мѣшаетъ?
  спросилъ я.
- Ну, оно.... видите, не ловко. Какъ же вы хотите жить въ одномъ городѣ съ родственникомъ изъ такого сословія!.... Разсудите! Я совѣтую вамъ начальнически.

Это можеть вамь повредить, такъ-сказать....

— Если бы я жилъ съ отцомъ и впередъ какъ доселѣ, когда не зналъ его, врознь въ одномъ городѣ, продолжалъ я: тогда, конечно, это могло бы дать невыгодное обо мнѣ понятіе; но какъ мы отнынѣ со старикомъ уже не разстанемся и будемъ жить вмѣстѣ, то я не вижу тутъ ни какого неудобства.

Инспекторъ посмотрѣлъ на меня какомъ-то недоумѣніи; потомъ, приподнявъ брови, отвернулся, кашлянуль раза два и чихнулъ притворно; дѣлалъ что онъ съ большимъ искусствомъ впрочемъ критическихъ положеніяхъ, когда хотълъ вдругъ перемѣнить или оторвать разговоръ. Помолчавъ не много, я прибавилъ еще: -Впрочемъ, случав, BO всякомъ обстоятельство это не будеть безпокоить ни кого, ни даже васъ, Сергъй Сергъевичъ, если только вы будете, по всегдашнему своему расположенію ко мнѣ, столь добры, просьбы моей: задержите не что намъренъ нынъ же подать въ отставку.

У Сергѣя Сергѣевича отлегло много отъ сердца, когда онъ это услышалъ: ему съ меня, какъ съ козла, не было ни шерсти ни молока, и это ему давно уже надоѣло. Придиркамъ всѣхъ родовъ не было конца, по-временамъ только онъ снова мирился со мною, по какому-нибудь особому поводу, давалъ мнѣ много хорошихъ наставленій, и надѣялся, что у насъ впередъ дѣла пойдутъ лучше; а впослѣдствіи, когда я, по недогадливости своей, не заправлялъ ихъ ничѣмъ, всегда возникали опять новыя неудовольствія.

Я вышель въ отставку воть по какому Негуровъ, учредивъ поводу. ВЪ имѣніи порядочное управленіе, вскоръ пріобрълъ довъренность и уваженіе, не только своего помъщика, но и двухъ трехъ сосъднихъ. устраивалъ селъ заводѣ Онъ при ВЪ больницу и убъдилъ сосъдей въ пользѣ послѣдовать примѣру его и взять на первый общій счеть врача. случай Такимъ на образомъ онъ предложилъ мнѣ мѣсто это, которое вполнъ обезпечивало меня насчетъ насущной жизни. Съ жаромъ принялся я

туть снова за свою обязанность и впервые почувствоваль себя на своемъ мъстъ, могъ дъйствовать свободно И благодътельно въ кругу своего званія, гдъ никто не перечилъ мнъ, не искалъ случаю сдълать мнъ какую-нибудь непріятность, не требовалъ одной только утомительной и безполезной письменной отчетности, какъ главнъйшаго предмету, а гдъ обращали вниманіе на труды, заботы и успъхи мои въ пользованіи немощныхъ; гдѣ вникали всякое благоразумное предложеніе требованіе мое, и дали полную власть заботиться не только о больныхъ, но и о сохраненіи здоровыхъ. Такимъ образомъ сдълали распоряженіе, по которому всъ деревнѣ, женщины на ВЪ все беременности своей, освобождались работъ; выстроили бани; запретили мочить коноплю въ озеръ, изъ котораго всъ берутъ воду; завели продажу говядины мѣною на хлъбъ, чтобы дать всякому средство имъть чаще мясную пищу; приняли множество мъръ противъ смертности младенцевъ; и я надъюсь, втеченіи лѣтъ что **МНОГИХЪ**

старанія наши покажуть въ числительныхъ выводахъ пользу всѣхъ этихъ распоряженій.

Вотъ подъ какими обстоятельствами, примѣтами и знаменіями, праздноваль я, въ кругу семьи Негурова, тридцатое рожденіе свое. Обѣщавъ разсказать повѣсть о жизни моей только за тридцать лѣтъ, за первую половину, я бы долженъ былъ на этомъ закончить нынѣшнія записки свои; но, для полноты дѣла, слѣдуетъ прихватить еще и часть тридцать—перваго года, съ котораго начинается вовсе для меня новая жизнь, новое лѣтосчисленіе.

добрый безногій Французъ, Мой переходя изъ рукъ въ руки, попалъ междутъмъ, куда бы вы думали?... въ домъ къ полковнику, у котораго моему дътки подрасли и требовали воспитанія. Французъ всегда писалъ мнъ отъ времени до времени, и описаль съ особеннымъ жаромъ свой торжественный въѣздъ И входъ на домъ моего благодътеля. костыляхъ ВЪ Вѣчно юный сердцемъ, старикъ описывалъ мнъ съ восхищеніемъ, какъ приняли

домъ полковника бывшаго учителя Вакха Чайкина, съ какимъ уваженіемъ съ нимъ обходились, какъ всъ не могли имъ нарадоваться. «Да, прибавилъ онъ: отставной артиллеристъ «большой арміи,» отставной учитель Вашеньки, вступилъ на службу, но чувствуетъ, вскоръ будетъ отставленъ и уволенъ отъ службы и званія гражданина этого міра, скоро будеть отставнымъ человъкомъ. Старость не бъда, но дряхлость начинаетъ меня по-временамъ коробить, которая заставляетъ дряхлость, поглядывать иногда мимоходомъ въ готовую яму! Тамъ мое мъсто, Ваша, тамъ! Это я чувствую; и я бы давно остыль уже, если бы меня не гръли иногда воспоминанія. Здѣсь, Ваша, есть еще одно солнышко, которое ходить за мною какъ дочь отцомъ, и это - въ честь теб $\pm$, другъ мой, honneur aux braveэ! Груша кланяется тебъ, и, признаюсь, сухой поклонь этоть по себь, безъ этого умнаго, спокойнаго личика когда-нибудь пустая фраза. А я-таки соберусь и спишу ее, и пришлю тебъ напоказъ темно-русую головку, которая — не можетъ быть, чтобы не оставила въ тебъ какихъ-нибудь пріятныхъ воспоминаній.

Приписка. «Письмо осталось на недѣлю, не попало на почту, и я посылаю тебѣ обѣщанное сокровище. Видишь, я ребячусь какъ школьникъ и дѣлаю непозволительныя шалости. Не выдай меня, не продай».

Личико это было то же какъ шесть семь лѣтъ тому назадъ, когда оно прожило на свътъ всего лѣтъ пятнадцать шестнадцать: дътская ръзвость его только смягчилась умнымъ спокойнымъ И Прежнее, полнымъ души. взглядомъ, пробудилось былое, мнѣ BO неимовърною силою: я заплакалъ ребенокъ.

Я потребоваль отчету у Француза, какимъ образомъ Груша, которая давно домъ замужемъ, жила опять ВЪ полковника, и Французъ отвъчалъ мнъ, что она никогда замужъ не выходила: она была нѣсколько лѣтъ TOMY, помолвлена сестры и зятя, но не настоянію могла одольть отвращенія своего отъ замужства и, по личному объясненію съ женихомъ своимъ, осталась опять свободною.

Продумавъ нѣсколько времени, переработавъ въ головъ и въ сердцъ все это, я объяснилъ своему Французу все, теперь чѣмъ сказалъ, кто Я И могу поручилъ сдълать располагать, И ему развъдку и опознаться на-мъстъ, какъ и гдъ разсудитъ, и увъдомить меня, нътъ ли еще какой-нибудь для меня надежды. Переговоры эти кончились тъмъ, что поскакаль туда самъ, и привезъ съ собою столицу Негожево, нашу, село Алтынова, верстахъ шестидесяти ОТЪ жену, Грушу. Француза молодую оставили полковнику еще на-время, тьмъ, чтобы онъ прівхаль умирать къ намъ; и онъ свято объщалъ исполнить это и вскоръ. Батюшка живетъ, разумъется, съ нами, но не ъстъ хлъба даромъ: онъ еще чеботаритъ свѣжъ здоровъ, И И преспокойно на весь домъ нашъ, потому что ему сидъть сложа руки и гръшно и скучно. В. ЛУГАНСКІЙ.